

VI. Великая афинская республика.

Общія послѣдствія національной войны. Борьба съ персами дала могущественный толчокъ двумъ крупнымъ фактамъ греческой исторіи V вѣка: образованію большой морской державы Аѳинъ и развитію дѣятельной воинственной демократіи. Оба явленія тѣсно связаны между собой.

Война прежде всего замѣтно передвинула общественныя отношенія въ Греціи. Въ большей части общинъ, до столкновенія съ персами, господствовали аристократическія группы, которыя только что успѣли отбить первый натискъ городской демократіи, шедшей подъ предводительствомъ тиранновъ; даже въ Аѳинахъ, несмотря на организацію Клисѳена, сохранили большое вліяніе старинные богатые роды. Во время борьбы съ персами аристократія почти всюду проиграла свое положеніе: во многихъ общинахъ она оказалась подъ подозрѣніемъ мидизма, т.-е. сочувствія персамъ, или, по крайней мѣрѣ, готовности войти съ ними въ соглашеніе; въ Аѳинахъ, помимо Писистратидовъ, потеряли кредитъ Алкмеониды. Возстановить разъ поколебленный авторитетъ было очень трудно. Другое обстоятельство, невыгодное для старшихъ правящихъ слоевъ, состояло въ томъ, что пришлось вооружить низшіе классы, не привлекавшіеся раньше къ военной службѣ. Появилась новая сила, хорошо сознававшая свое положеніе въ государствѣ; надвинулся большой демократическій переворотъ во внутренней и внѣшней политикѣ. Въ Аѳинахъ массы, впервые вооруженныя, спасавшія отечество, потребовали себѣ участія въ правительственныхъ рѣшеніяхъ, а также доли въ раздачѣ финансовыхъ излишковъ и приобрѣтеній, сдѣланныхъ на войнѣ. Мало заинтересованные въ сельскомъ хозяйствѣ, въ судьбѣ деревенскихъ территорій, вновь поднявшіеся городскіе классы стали увлекаться дальними экспедиціями, торговыми захватами и колоніальными войнами.

Семидесятые и шестидесятые годы V вѣка составляютъ время поваго, второго подъема демократіи: не только въ передовой, крайне

подвижной афинской общинѣ, но и въ другихъ, болѣе отсталыхъ областяхъ, Беотіи, Аргосѣ, Элидѣ, Аркадіи, обнаруживается демократическое движеніе. Національная война еще въ одномъ отношеніи помогла демократіи. Раздѣленіе греческихъ общинъ на патріотическія и мидизирующія повело къ новымъ раздорамъ и къ усиленію междоусобій. Жизнь стала особенно небезопасной и непокойной; вслѣдствіе этого всюду начали возводить новыя городскія стѣны: Греція оцѣнилась крѣпостями. Въ укрѣпленные города устремились многіе состоятельные жители деревень; вліяніе горожанъ, торговцевъ, ремесленниковъ, поставщиковъ, агентовъ, работавшихъ на правящіе слои, усилилось, въ иныхъ общинахъ впервые возникла городская толпа, шумная и притязательная.

Въ связи съ внутренними перемѣнами быстро стали перестраиваться вышнія отношенія. Энергія воинствующей демократіи создаетъ скоро державное могущество Афинъ. Въ свою очередь выступленіе низшихъ классовъ въ видѣ внушительныхъ военныхъ организацій отражается невыгодно на старомодной малоподвижной Спартѣ, политика которой построилась на взаимной поддержкѣ аристократій. Въ свое время первая по силѣ община Греціи, Спарта утрачиваетъ руководящее положеніе ¹.

Переходъ гегемоніи на морѣ къ Афинамъ. Уже въ 479 году обнаружилась неспособность спартанцевъ къ предводительству на морѣ. Союзный флотъ, послѣ побѣды при Микале, отступилъ къ о. Самосу. Островитяны Самоса, Хиоса и Лесбоса безъ колебанія приняли въ союзъ; но спартанцы были въ большомъ затрудненіи, какъ поступить съ береговыми іонійцами; для охраны ихъ отъ притѣсненія персовъ надо было бы держать близъ береговъ Малой Азіи эскадру, а пелопоннесцамъ хотѣлось поскорѣе домой. Ихъ стратеги предложили поэтому оставить Іонію на произволъ варваровъ, а населеніе ея перевезти въ Грецію и водворить на мѣсто тѣхъ европейскихъ грековъ, которые измѣнили національному дѣлу. Афиняне воспротивились такому способу распоряжаться съ городами, которые они считали своими колоніями. Тогда было рѣшено поручить іонійцевъ защитѣ афинянъ, а это значило признать за Афинами право на руководство въ іонійскихъ дѣлахъ.

Союзный флотъ направился затѣмъ къ Геллеспону, чтобы перерѣзать линію сношеній персовъ съ Европой. Здѣсь Леотихидъ и пелопоннесцы покинули афинянъ, къ которымъ въ то же время присоединились островитяне. Новый составъ союзаго флота напалъ на сильно укрѣпленный Сестъ въ узкомъ мѣстѣ Геллеспонта. Персы оказали храброе сопротивленіе, и осада крѣпости затянулась на зиму 479/8 года.

Вслѣдствіе этого замедленія, подъ Сестомъ разыгрался эпизодъ,

очень наглядно показавшей аеинянамъ новыя, неожиданно возникшія передъ ними задачи заморской войны. До тѣхъ поръ походы были краткими передвиженіями гражданскаго ополченія; войны служили во время экспедиціи на свой счетъ, и голпиты даже должны были захватить изъ дому провизію на три дня для себя и для своихъ слугъ. Теперь, впервые посланные въ дальнюю кампанію, не дававшую никакой добычи, аеинскіе ополченцы замѣчали свои траты; они потребовали по этому возвращенія домой. Въ отвѣтъ на шумныя заявленія воинства, стратеги объявили, что пока они не смѣщены аеинскими властями, они не уѣдутъ, не взяши города. Скоро Сестъ сдался; и войны были удовлетворены богатой добычей. Захваченныя цѣнности аеиняне раздѣлили съ союзниками и этимъ способомъ скрѣпили свои отношенія съ ними; послѣ этого всѣ разѣхались по своимъ домамъ. По всей вѣроятности, уже послѣ этого перваго опыта дальней экспедиціи, въ Аеинахъ рѣшено было платить ополченцамъ жалованье во время похода въ видѣ суточнаго довольствія.

Въ Спартѣ не сразу рѣшили выпустить изъ рукъ предводительство и инициативу дѣйствій. Весной 478 г. въ Эгейскомъ морѣ появился подъ предводительствомъ Павсанія новый флотъ изъ 20 пелопоннесскихъ тріеръ и 30 аеинскихъ. Греческая эскадра бросилась сначала на одинъ изъ фланговъ персидскихъ морскихъ позицій, покорила Кипръ, а затѣмъ напала на другомъ краю на Византію, чтобы освободить проѣздъ къ Черному морю. Въ память о взятіи Византіи, Павсаній посвятилъ храму Посейдона у выхода Босфора къ морю большую металлическую чашу съ характерной надписью: «Павсаній, верховный начальникъ обширной Эллады»². Выраженіе ἄρχων Ἑλλάδος сразу показываетъ, какіе планы были въ головѣ Павсанія. Вырвавшись на свободу изъ-подъ гнетащаго надзора эфоровъ, упоенный побѣдами, превеличивая авторитетъ свой надъ союзными греками, спартанскій царь задумалъ, при помощи персовъ, захватить тираннію надъ всею Греціей. Онъ завелъ тайную переписку съ персидскимъ дворомъ; азиатскіе обычаи оказывали на него, видимо, чарующее дѣйствіе, онъ выходилъ въ восточной одеждѣ, держался высокомерно и недоступно. Поведеніе Павсанія немало помогло аеинянамъ привлечь къ себѣ симпатіи новыхъ союзниковъ, іонійцевъ и геллеспонтскихъ грековъ: рядомъ съ нимъ выгодно выдѣлялась республиканская простота аеинскихъ стратеговъ, особенно Аристиды; при осадѣ Сеста аеиняне заявили себя умѣлыми и энергичными руководителями, тогда какъ дѣйствія Павсанія послѣ взятія Византіи стали внушать подозрѣнія въ измѣнѣ.

Всѣ эти обстоятельства побудили островныхъ и малоазійскихъ грековъ зимой 478—477 года обратиться къ аеинянамъ съ просьбой за-

цитить ихъ отъ произвола спартанскаго вождя и принять надъ ними гегемонію. Между тѣмъ Павсаній, вызвавшій недовольство въ самой Спартѣ, былъ отозванъ домой и отданъ подъ судъ. Присланному вмѣсто него новому спартанскому стратегу союзники уже не хотѣли подчиняться. Спартанское правительство примирилось съ положеніемъ: морская война, очевидно, тяготила консервативные круги Спарты; во всякаго рода дальнихъ порученіяхъ они видѣли только соблазнъ для своего гражданства и случай уклоненія отъ старой дисциплины; поэтому они готовы были отдать аѳинянамъ опасное въ ихъ глазахъ преимущество.

Делійская симмахія. Аѳиняне взяли за организацію морскаго союза необыкновенно энергично. Цѣль союза (*συμμαχία*) казалась совершенно ясной: продолжать войну съ персами, а для этого составить федерацію на началахъ равноправности входящихъ въ нее членовъ. Согласно этой общей задачѣ, всѣ общины, образовавшія вмѣстѣ союзъ, должны были остаться автономными въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ; всѣ онѣ получили черезъ делегатовъ голосъ въ конгрессѣ (*κοινή συνέδου*), который долженъ былъ собираться на о. Делосѣ у стариннаго іонійскаго святилища Аполлона.

Въ этомъ смыслѣ делійская симмахія воспроизводитъ формы болѣе раннихъ союзовъ: пелопоннескаго, сложившагося въ VI вѣкѣ подъ главенствомъ Спарты, и чрезвычайнаго общегреческаго, составившагося въ 481 году противъ персовъ. Но въ новомъ союзѣ имѣлась одна особенность, которая сразу выдѣлила его отъ прежнихъ организацій. Надо было вести морскую войну въ крупномъ стилѣ, а она требовала поддержанія въ постоянной готовности крупнаго флота (не менѣе 200 тріеръ, какъ показываетъ примѣръ ближайшихъ десятилѣтій). Для общаго дѣла было бы крайне невыгодно распредѣлить поставку кораблей натурой по всѣмъ общинамъ союза, въ томъ числѣ и самымъ малымъ, и собирать по мелочамъ разношерстную, невыученную на общихъ маневрахъ эскадру. Съ другой стороны, самимъ маленькимъ общинамъ, не имѣвшимъ до тѣхъ поръ военныхъ кораблей, было бы очень трудно работать надъ ихъ сооружеиіемъ, въ виду того, что на большей части острововъ и береговъ Греціи не хватало строевого дѣса. Поэтому на синодѣ съ общаго согласія было рѣшено, чтобы корабли въ союзную эскадру ставили наравнѣ съ Аѳинами лишь крупные острова Эгейскаго моря, Лесбосъ, Хиосъ, Самосъ, Наксосъ и Эасосъ, владѣвшіе уже раньше флотами. Остальныя общины, составлявшія подавляющее большинство въ союзѣ, согласились платить соотвѣтствующій ихъ средствамъ взносъ (*φόρος*) и предоставить постройку и снаряженіе кораблей на счетъ этихъ денегъ аѳинянамъ. Общая казна

должна была храниться на о. Делосѣ, мѣстѣ собранія конгресса. Такимъ образомъ въ устройствѣ делійскаго союза на первое мѣсто выдвинулась финансовая организація, тогда какъ она отсутствовала въ союзахъ предшествующей эпохи.

Раздѣленіе общинъ на поставщицъ кораблей и плательщицъ налога внесло съ самаго начала рѣзкое неравенство въ строй союза и дало рѣшающій перевѣсъ въ немъ Аѳинамъ. Началось съ того, что опредѣлить размѣры взносовъ отдѣльныхъ общинъ было предоставлено аѳинскимъ вождямъ. Начальникъ аѳинской эскадры, Аристидъ, совершилъ объѣздъ по всѣмъ общинамъ, и установленныя имъ цифры были приняты всюду въ качествѣ нормы. Фукидидъ сообщаетъ, что годовой приходъ делійской кассы равнялся 460 талантамъ (1.080.000 рублей) ³.

Откуда взялась эта цифра? Исслѣдователь финансовой исторіи Аѳинъ V вѣка думаетъ ⁴, что она вовсе не представляетъ суммы множества мелкихъ слагаемыхъ въ видѣ взносовъ тѣхъ многочисленныхъ общинъ, которыя платили форось. По его мнѣнію, 460 талантовъ—число огульное, полученное изъ слѣдующаго вычисленія: надо держать эскадру въ 200 тріеръ (трехпалубныхъ кораблей) въ теченіе 7 мѣсяцевъ въ году, уплачивая экипажу изъ 200 человѣкъ на тріеру по два обола въ день (въ предположеніи, что моряки были менѣе требовательны, чѣмъ потомъ, въ Пелопоннескую войну, когда имъ платили по три обола за сутки); изъ соединенія этихъ множителей получается нѣчто, очень близкое къ цифрѣ 460 талантовъ. Далѣе, историкъ аѳинскихъ финансовъ предполагаетъ, что Аристидъ распредѣлилъ эту общую сумму по всѣмъ общинамъ пропорціонально ихъ платежной способности. Подобнаго рода финансовый планъ представляется намъ въ высокой мѣрѣ искусственнымъ. Въ исторіи, думается, нѣтъ примѣровъ примѣненія такой системы. Къ тому же проведеніе ея создало бы невѣроятныя трудности; оно совсѣмъ не вяжется съ картиной единственнаго и недолгаго объѣзда, въ теченіе котораго Аристидъ исполнилъ свою задачу, очевидно, не очень хитрую. Все указываетъ, что аѳинскій стратегъ воспользовался чѣмъ-то готовымъ, и мы безъ труда вспоминаемъ, что передъ его глазами была вполне выработанная система—именно, привычныя для островныхъ и береговыхъ общинъ взносы, которые онѣ платили въ качествѣ подданныхъ персидскаго царя. Достаточно было при объѣздѣ узнать размѣры этихъ взносовъ, можетъ быть, въ отдѣльныхъ случаяхъ, сдѣлать небольшія скидки; тогда понятно, что Аристидъ быстро исполнилъ свое порученіе и еще заслужилъ названіе Справедливаго. Это значитъ, однако, что, устраивая впервые бюджетъ, вступая на почву денежно-хозяйственной организаціи государства, аѳиняне не открыли ничего оригинальнаго, а воспользо-

вались чужимъ изобрѣтеніемъ, налаженнымъ у персовъ бюджетнымъ и податнымъ механизмомъ. Впослѣдствіи они очень мало прибавили со своей стороны къ финансовой организаціи, а жили почти до конца своей державы персидской рутинной.

Для независимой Греціи, однако, введеніе подати было повизной; само слово φόρος звучало, видимо, рѣзко для греческаго уха, и это чувствуется еще въ разсказѣ Фукидида. Передавая объ учрежденіи должности «общегреческихъ казначеевъ» (ἐλληνοταμίαι), которымъ поручалось собирать форосъ, онъ прибавляетъ: «такъ назвали въ то время взносъ денегъ»⁵. Недаромъ же впослѣдствіи, въ IV вѣкѣ, когда послѣ крушенія аѳинской морской державы возникъ новый союзъ на равныхъ началахъ, первымъ дѣломъ устранили ненавистное слово φόροςъ и замѣнили его болѣе нейтральнымъ или благозвучнымъ σύνταξις (что приблизительно значить доля, товарищескій взносъ). И не только въ принципѣ, не только по прецедентамъ форосъ заключалъ въ себѣ опасность для товарищескаго равенства въ союзѣ, а также по существу. Элленотаміи были не уполномоченными конгресса, а бюрократіей, назначавшейся односторонне Аѳинами и обязанной отчетомъ не передъ союзнымъ собраніемъ, а лишь передъ аѳинянами. Далѣе, уплачивая дань для сооруженія аѳинской эскадры и не имѣя собственныхъ кораблей, общины-плательщицы становились въ зависимость отъ аѳинянъ; отсюда до вмѣшательства въ ихъ автономію былъ одинъ шагъ. Мало помогало имъ и право голоса, въ которомъ ни одной общинѣ не было отказа. На конгрессѣ мелкія общины, чтобы удержаться противъ крупныхъ, должны были искать поддержки Аѳинъ и за это подавать свои голоса въ согласіи съ руководящей общиной. Лишь немногія крупныя общины были достаточно авторитетны и независимы, чтобы возражать аѳинянамъ на синодѣ; въ свою очередь онѣ оставались въ меньшинствѣ противъ остальныхъ, фактическихъ вассаловъ Аѳинъ. Сама многочисленность голосовъ (πολυψηφία) и пестрота собранія были источникомъ его слабости и полнаго преобладанія Аѳинъ въ союзѣ. Съ самаго начала собраніе имѣло скорѣе номинальное значеніе. О его дѣятельности вообще извѣстно очень мало; а съ 50-хъ годовъ оно вовсе прекращаетъ существованіе. Конгрессъ не могъ играть существенной роли уже потому, что союзъ не опирался на взаимное соглашеніе входившихъ въ его составъ общинъ. Аѳиняне заключали съ каждымъ городомъ договоръ въ отдѣльности, и хотя договоры были почти тождественны, но юридически такое положеніе вещей означало отсутствіе конституціи союза, какъ цѣлаго.

Территорія союза. Союзъ охватывалъ почти всѣ острова и большую часть береговъ Эгейскаго моря. Изъ острововъ только Критъ, немногія

юго-западныя Киклады близъ Пелопоннеса, а въ числѣ Спорадъ острова, начиная отъ Родоса къ юго-востоку, не входили въ составъ союза. На побережьи европейской Греціи къ союзу принадлежали Аттика и Эвбея, т.-е. большая часть доступнаго берега; на сѣверѣ въ союзъ вошли рядъ городовъ Халкидики, большого полуострова, расположеннаго между Македоніей и Фракіей, а скоро были присоединены важные пункты на фракійскомъ берегу. Затѣмъ, подъ названіемъ геллеспонтскихъ городовъ въ союзъ вступили всѣ общины, лежавшія на европейскомъ и на азіатскомъ берегу Геллеспонта, Пропонтиды (Мраморнаго моря) и Босфора. Наконецъ, на востокъ—вся линія берега Малоазійскаго полуострова до загиба къ югу, т.-е. эолійскія, іонійскія и дорійскія колоніи. Въ положеніи союзной территоріи очень важно было то, что греческій флотъ располагалъ двумя выходами изъ Эгейскаго моря: юго-восточнымъ между Критомъ и Малой Азіей, который велъ къ Кипру, Сирии и Египту, и сѣверо-восточнымъ, выходящимъ черезъ проливы къ Понту (Черному морю). Такъ какъ въ длинной извилистой линіи проливовъ всѣ важные пункты входили въ составъ союза, то аѳинской симмахіи принадлежалъ весь путь, по которому направлялся ввозъ хлѣба въ Грецію и которымъ обратно шель греческій экспортъ въ черноморскія страны. Благодаря своему транзитному положенію, геллеспонтскіе города были богаче другихъ и давали въ казну самыя крупныя взносы. Въ сравненіи съ ними гораздо бѣднѣе были іонійскіе города, сильно пострадавшіе за время господства персовъ и во время національныхъ войнъ, когда съ нихъ обѣ стороны тянули и денежныя, и натуральныя повинности. Ихъ главное значеніе для союза состояло въ томъ, что занятая ими полоса малоазійскаго берега загораживала персидскому государству доступъ къ греческому морю.

Въ цѣломъ владѣнія союза образовали замкнутую въ себѣ, компактную и очень выгодно поставленную морскую державу. Размѣромъ территоріи, количествомъ населенія и ресурсами она превосходила остальную Грецію. Можно себѣ представить, какой переворотъ въ настроеніи аѳинянъ долженъ былъ создать этотъ необыкновенный успѣхъ вѣшняго могущества, наступившій всего черезъ два года послѣ того, какъ община ихъ была на волосокъ отъ полной гибели!

Укрѣпленіе Аѳинъ и Пирея. Ходъ національной войны и образованіе великаго морского союза отразились крупными перемѣнами въ строѣ аѳинской республики и въ жизни города. Тотчасъ же по очищеніи греческой территоріи персами, осенью 479 г., аѳиняне вернулись со своими семьями въ разрушенный городъ и начали быстро и энергично обстраивать его. Но особенное значеніе народъ придавалъ возстановленію городскихъ стѣнъ. По мыслиThemistocles, который съ

478 года опять занялъ вліятельное положеніе, Аѣины должны были сдѣлаться неприступной крѣпостію, чтобы на случай новаго нашествія съ суши аѣинянамъ уже не надо было бѣжать со своей территоріи, напротивъ, чтобы городъ могъ принять въ свои стѣны массы сельскихъ жителей.

Спѣшное возведеніе крѣпостной стѣны, опоясывающей Аѣины, крайне обезпечило спартанцевъ. Они понимали хорошо, что укрѣпленіе Аѣинъ сдѣлаетъ городъ вполне независимымъ отъ помощи пелопоннессцевъ и создастъ Спартѣ могущественнаго соперника за Истмомъ. Спарта потребовала остановки работъ на томъ основаніи, что ни одинъ городъ на сѣверѣ отъ перешейка не долженъ быть крѣпостію, чтобы не служить опорой для персовъ въ случаѣ новаго нашествія.Themistocle разыгралъ въ этомъ трудномъ положеніи роль хитраго и настойчиваго дипломата, отправился самъ въ Спарту, затянулъ дѣло, добился отправленія въ Аѣины спартанскихъ пословъ, которые были удержаны въ качествѣ заложниковъ, и когда получилъ извѣстіе, что въ Аѣинахъ стѣны доведены до порядочной высоты, объявилъ спартанцамъ, что аѣиняне болѣе не нуждаются въ ихъ совѣтахъ. Спартанцамъ пришлось принять совершившійся фактъ.

Еще важнѣе, чѣмъ возведеніе аѣинскихъ стѣнъ, представлялось Themistocle укрѣпленіе новой гавани Пирея. Разъ Аѣины обратились въ морскую державу первой величины, необходимо было обезпечить для ея флота хорошо защищенный портъ. Хотя память Themistocle потомъ была затемнена его бѣгствомъ въ Азію и службой у персидскаго царя, но Thucydides тѣмъ не менѣе сохранилъ его программу внѣшней политики и даже въ словахъ, которыя приблизительно отражаютъ подлинныя рѣчи Themistocle. По словамъ Thucydides, Themistocle настаивалъ на продолженіи крѣпостныхъ работъ въ Пирей, начатыхъ еще въ годъ его архонтства (слѣд., съ 493 г. въ теченіе болѣе 15 лѣтъ эти работы стояли безъ движенія), такъ какъ онъ думалъ, что мѣсто съ его тремя естественными гаванями (собственно Пирей, Зей, Мунихія) очень удобно, и что сдѣлавшись морскимъ народомъ (*ναυτικός*), они получаютъ огромное преимущество для созданія державы (*δύναμις*). Онъ первый рѣшился сказать, что надо держаться морской политики. Стѣны Пирея были лишь начаты при Themistocle; въ послѣдствіи ихъ не довели до той высоты и толщины, какія считалъ нужными самъ Themistocle. «А онъ хотѣлъ достигнуть такихъ размѣровъ, чтобы можно было не опасаться никакихъ нападѣній; въ гарнизонѣ достаточно было бы сохранить небольшой составъ самыхъ слабыхъ и непригодныхъ людей, а всѣ остальные должны будутъ взойти на корабли. Больше всего онъ направлялъ вниманіе на флотъ, потому что, какъ мнѣ ка-

жется, онъ видѣлъ, что войску царскому легче осуществить нападеніе съ моря, чѣмъ съ суши; Пирей же онъ считалъ болѣе важнымъ, чѣмъ верхній городъ (т.-е. Аѣины), и не разъ онъ ставилъ на видъ аѣинянамъ, что въ случаѣ новаго натиска съ суши, имъ слѣдуетъ спуститься въ Пирей и дать врагу рѣшительную битву на корабляхъ»⁶.

Изъ этой знаменитой характеристики, которой, въ сущности, мы и обязаны настоящимъ представленіемъ о замыслахъThemistocles, можно заключить, что соединеніе Пирея съ Аѣинами посредствомъ Длинныхъ стѣнъ составляло продолженіе плановъ великаго организатора, а, можетъ быть, даже было намѣчено имъ самимъ.

Возвышеніе морского демоса. Большія строительныя работы, а также превращеніе Аѣинъ въ столицу морекой державы совершенно измѣнили фязіогномію города. До національной войны Аѣины были главнымъ индустріальнымъ мѣстомъ Аттики, рынкомъ для крестьянскихъ закупокъ и правительственнымъ центромъ, куда собирались представители со всего кантона. Теперь, ставши во главѣ большого морского союза, который пробилъ себѣ важные торговые выходы къ Черному морю и къ Леванту, Аѣины дѣлаются притягательнымъ пунктомъ для множества пріѣзжихъ иностранцевъ всякаго рода: рабочихъ, которые рассчитывали на усиленную стройку, кушцовъ и судовладѣльцевъ, привлеченныхъ новой ролью города въ транзитной торговлѣ, гражданъ союзныхъ общинъ, которымъ по дѣламъ нужно было обращаться къ суду или къ союзнымъ властямъ. Если эти посторонніе элементы заживались въ Аѣинахъ, ихъ заставляли вступать въ классъ *метойковъ* (обывателей): это значило выбрать себѣ патрона (*πρωτάτης*) изъ числа гражданъ и платить взносъ, такъ называемый метойкіонъ. Themistocles держался политики открытыхъ дверей по отношенію къ эмиграціи метойковъ. Когда понадобилось большое число каменщиковъ для спѣшнаго возведенія стѣнъ и крѣпостныхъ башенъ, Themistocles настоялъ на освобожденіи метойковъ отъ всякихъ взносовъ за время усиленныхъ работъ⁷.

Съ развитіемъ морского могущества и широкой внѣшней политики существенно измѣнились повинности гражданъ и служба ихъ. Аѣины должны были теперь держать наготовѣ большой флотъ и правильно пополнять убыль и порчу ежегоднымъ спускомъ новыхъ кораблей. Государство своеобразно раздѣлило эту обязанность съ частными лицами, устроивъ нѣчто въ родѣ прогрессивнаго обложенія натурой (*λαϊτουργία*). Богатые люди въ качествѣ тріерарховъ (капитановъ) должны были снаряжать тріеру, къ которой государство доставляло корабельный корпусъ и паруса; тріерархи обязаны были набрать и обучить гребцовъ, а также поддерживать корабль въ полной готовности. Облагая бога-

тыхъ весьма значительной повинностью, государство притягивало бѣдныхъ на морскую службу, которая, въ отличіе отъ своекоштной сухопутной военной службы, съ самаго начала стала вознаграждаться деньгами. Въ моряки шли преимущественно оеты, т.-е. безземельные, черноработчіе. Аѳинскій пролетаріатъ, впрочемъ, вовсе не безъ разбора устремлялся въ морскую службу. Массу гребцовъ и матросовъ на корабль составляли метойки, иностранные наемники и рабы; аѳиняне занимали должности шкиперовъ, кормчихъ и лоцмановъ, начальниковъ гребныхъ командъ, десятниковъ въ артеляхъ корабельныхъ строителей и т. д. Такъ какъ флотъ сталъ очень великъ и постоянно пополнялся новыми кораблями, этихъ должностей было очень много; низшій классъ находилъ себѣ все новыя и новыя занятія, а вмѣстѣ съ тѣмъ росло и его значеніе въ государствѣ, его увѣренность въ себѣ. Авторъ олигархическаго памфлета, составленнаго около 425 г., жалуется, что «демосъ водить корабли и потому доставляетъ мощь государству: все эти кормчіе, лоцманы и мелкіе корабельные начальники гораздо больше доставляютъ мощи государству, чѣмъ гоплиты, да знатные, да приличные граждане». Аристотель также передаетъ заключеніе о неизбѣжной перемѣнѣ, создавшейся въ политической жизни, которое, къ большой досадѣ для себя, должны были сдѣлать высшіе классы. «Корабельная чернь (*ναυτικὸς ὄχλος*), пользуясь тѣмъ, что ея силами была одержана побѣда при Саламинѣ и благодаря этому основано морское главенство и могущество Аѳинъ, утвердила господство демократіи»⁸.

Стратеги и демагоги. Организациія морской силы, а также возвышеніе притязательнаго класса моряковъ отразились существенно на строеніи высшихъ политическихъ властей. Во вновь возникшемъ союзномъ строѣ появилась крупная должность элленотаміевъ, которые, однако, избирались изъ аѳинянь и въ аѳинскомъ народномъ собраніи. Съ другой стороны, подъ вліяніемъ широкихъ задачъ внѣшней политики, преобразовалась и получила совершенно новый видъ прежняя должность стратеговъ. Раньше стратеги были начальниками ополченій, представляемыхъ филлами, и, можетъ быть, выбирались въ отдѣльныхъ филлахъ. Со времени національной войны и образованія морскаго союза стратеги получили въ свои руки совѣтъ другія, гораздо болѣе сложныя дѣла: командованіе большимъ, сначала аѳинскимъ, а потомъ союзнымъ флотомъ, а также экспедиціонными войсками, участіе въ союзныхъ совѣщаніяхъ и т. д.; вмѣстѣ съ тѣмъ изъ среды стратеговъ нерѣдко приходилось выдѣлять одного, наиболѣе авторитетнаго и способнаго, который и становился главнокомандующимъ на сушѣ и на морѣ, а также уполномоченныхъ Аѳинъ въ совѣтѣ союзныхъ командировъ (въ моменты особенно трудныя и ответственныя такой стратегъ

получалъ чрезвычайныя полномочія и титулъ ἀποκράτωρ). Выборы стратеговъ естественно приняли иной характеръ: теперь ихъ стали избирать въ общемъ народномъ собраніи, а такъ какъ и въ филахъ, и въ общей эkkлeсiи голосовало воинство, это значитъ, что стратеговъ избирали не отдѣльныя войсковыя части, а вся соединенная армія. Свое скромное прежнее занятіе, командованіе отрядомъ фило, стратеги должны были передать второстепеннымъ начальникамъ, таксіархамъ, а сами составили коллегію высшаго военнаго совѣта.

Въ качествѣ новой, какъ бы имперской и притомъ военно-финансовой должности стратеги становятся первыми сановниками въ государствѣ и совершенно отгѣсняють старинную узко-городскую и гражданскую должность архонтовъ. Паденіе архонтства ярко выразилось въ томъ, что (съ 487 г.) эту должность стали замѣщать не прямыми выборами опредѣленныхъ лицъ, а по жребію изъ многихъ и притомъ незначительныхъ кандидатовъ. За архонтами остался только почетъ: по-прежнему именемъ перваго архонта продолжали обозначать годъ.

Въ возвышеніи стратеговъ отражается воинственный наклонъ аѳинской общины, которая перестала быть обыкновеннымъ кантономъ, а сразу сдвинулась на положеніе руководящей силы въ большомъ кругу фактически подчиненныхъ ей общинъ. Все, что связано было съ новой широкой политикой, сосредоточилось теперь въ вѣдѣніи стратеговъ. На нихъ перешла, въ сущности, дипломатія: они вели переговоры съ иностранными державами, заключали капитуляціи и перемирія и вносили на обсужденіе народа и совѣта международные трактаты; въ качествѣ уполномоченныхъ они скрѣпляли принятые народомъ договоры своей присягой. Стратеги должны были озаботиться всеми приготовлениями къ войнѣ и къ защитѣ территоріи Аѳинъ, доставленіемъ городу провіанта, наборомъ солдатъ, утвержденіемъ триерарховъ, а также, когда выписывался чрезвычайный военный налогъ (εἰσφορά), организаціей его сбора. По вопросамъ дипломатическимъ и финансовымъ стратегамъ приходилось постоянно сноситься съ совѣтомъ 500. Они имѣли свободный доступъ въ совѣтъ и право доклада въ его засѣданія; если совѣтъ принималъ докладъ стратеговъ, они вносили свое предложеніе потомъ въ народное собраніе отъ имени своего и совѣта. Стратеги могли потребовать чрезвычайнаго засѣданія совѣта или созыва особаго народнаго собранія.

Несмотря на возрастаніе авторитета стратеговъ, ясно чувствовалась ихъ зависимость отъ массы воинства, которая со времени національной войны составляла сплоченную организацію, заполнявшую народное собраніе. Помимо того, что выборъ ихъ и переизбраніе на короткій срокъ исключительно зависѣли отъ народа, стратеги еще обязаны были по-

дробнымъ отчетомъ при сложеніи своей должности. Далѣе, всегда оставалась возможность внезапной провѣрки дѣятельности стратега въ концѣ каждой изъ 10 пританій, на которыя раздѣлялся годъ: посредствомъ открытаго голосованія поднятіемъ рукъ (*ἐπιχειροτονία*) народъ могъ выразить свое недовольство; въ результатѣ стратегъ терялъ должность и отдавался подъ судъ.

Возможность такого неожиданнаго вмѣшательства и внезапнаго прекращенія службы заставляла первыхъ должностныхъ лицъ республики обращаться къ демагогii, т. е. прибѣгать къ различнымъ способамъ вліянія на народную массу, разъ уже сложилось такое безпокойное, недовѣрчивое отношеніе къ вождямъ. Демагогія выражалась особенно наглядно во всякаго рода раздачахъ по отношенію къ народу. Большое впечатлѣніе въ Афинахъ производила щедрость богатаго Кимона, сына Мильтіада, выступившаго въ 70-хъ годахъ опаснымъ соперникомъThemistocle. Аристотель изображаетъ Перикла продолжателемъ Кимона въ смыслѣ раздачъ народу, но, слѣдуя реакціоннымъ характеристикамъ, находитъ глубокую противоположность въ источникахъ и манерѣ раздачъ того и другого изъ двухъ политическихъ дѣятелей: Кимонъ, ласковый, тароватый, выдавалъ изъ собственныхъ средствъ, а Периклъ, холодный, скупой, устроилъ раздачи изъ казенныхъ достояній⁹. Можетъ быть, разница характеровъ дѣйствительно вѣрно схвачена и передана у Аристотеля, но для насъ не то важно, что Кимонъ былъ симпатичнѣе Перикла, а то, что съ теченіемъ времени притязанія массы крайне возросли, и такъ какъ никакими частными средствами (впрочемъ, получавшимися все изъ той же военной добычи) невозможно было ихъ удовлетворить, то, слѣд., оставалось только организовать правильную раздачу общественныхъ суммъ, которыя составлялись изъ излишковъ отъ военныхъ пріобрѣтеній. Другое средство, необходимое для успѣшной демагогii, сводилось къ постоянному воздѣйствію на массу въ большихъ народныхъ собраніяхъ. Судя по вышеприведенному отрывку рѣчиThemistocle (у Фукидида), онъ первый заявилъ себя мастеромъ демагогическихъ обращеній къ народу, по крайней мѣрѣ, онъ былъ первымъ, о рѣчахъ котораго дошла память. Въ искусствѣ демагогическаго воздѣйствія, кажется, никто не превзошелъ Перикла: во всякомъ случаѣ, никто такъ долго не удерживался на зыбкой поверхности афинской политической жизни съ ея непрерывными отчетами, провѣрками стратеговъ, постоянной возможностью внезапной катастрофы, нетерпѣливыми и острыми запросами, выходившими изъ среды народнаго собранія.

При этихъ условіяхъ политическая борьба въ Афинахъ, и безъ того достаточно жестокая, должна была еще болѣе обостриться. Выборы въ стратеги стали ежегоднымъ смотромъ силъ для борющихся партій.

Побѣдителямъ было, однако, мало провалить противника на выборахъ; имъ угрожала еще опасная демагогія низверженнаго стратега; чтобы отдѣлаться отъ нея, его старались вовсе устранить съ политическаго поля, а для этого примѣняли оставшееся отъ тиранніи средство остракизаціи. Съ конца 70-хъ годовъ на протяженіи десяти-двѣнадцати лѣтъ мы встрѣчаемъ два политическихъ изгнанія, сначалаThemistocles, потомъ его главнаго противника Kimon, и одну политическую смерть, убійство Эфиальта, продолжателя политики Themistocles (къ смерти Эфиальта, можетъ быть, близко примыкаетъ остракизмъ Дамона, «учителя» Перикла, одного изъ организаторовъ радикальной партіи).

Продолженіе національной войны и первые захваты аѳинянъ. Создавшійся въ Аѳинахъ строй носить всѣ черты своего происхожденія изъ освободительной войны, которая немедленно превратилась въ большое империалистическое предпріятіе. Главный организаторъ Аѳинъ на пути этого быстрого переворота, Themistocles, испыталъ на себѣ первый ударъ этой нервически дѣятельной, безпокойной, смѣлой и тираннической народной организаціи. Послѣ Саламина Themistocles уже не является болѣе во главѣ военныхъ силъ. Несмотря на его дипломатическія заслуги и важную роль въ стратегическомъ укрѣпленіи Аѳинъ и Пирея, народъ при распредѣленіи командованій отдаетъ предпочтеніе его противникамъ, Аристиду и Кимону.

Въ 476 г. Кимонъ былъ поставленъ во главѣ аѳинской эскадры и получилъ своеобразное порученіе: изгнать изъ Византіи спартанскаго царя Павсанія, который успѣлъ оправдаться на родинѣ отъ взведенныхъ на него обвиненій и теперь вернулся опять на мѣсто своей прежней дѣятельности, хотя и безъ официальныхъ полномочій. Павсаній опредѣленно работалъ въ пользу персовъ: его ближайшаго сторонника Гонгила, удержавшаго Византію для персовъ, великій царь наградилъ нѣсколькими городами на западномъ побережьи Малой Азіи. Любопытно, что этотъ спартанскій измѣнникъ былъ помѣщенъ пососѣдству съ другимъ эмигрантомъ, бывшимъ царемъ Демаратомъ. Еще позднѣе близъ той же мѣстности персы устроили самаго выдающагося изъ греческихъ бѣглецовъ, Themistocles. Персы проводили послѣдовательно извѣстную систему: по ихъ расчету, эмигранты должны были составить опорные пункты противъ своихъ единоплеменниковъ, независимыхъ грековъ европейскихъ кантоновъ. Политика персовъ не оправдалась: хотя для грековъ возникъ великій соблазнъ въ видѣ службы у національнаго врага, однако ни одинъ изъ бѣжавшихъ вождей не могъ перетянуть за собой большую свиту послѣдователей; за границей, внѣ соприкосновенія съ общинами, изъ которыхъ они вышли, всѣ эти греческіе дѣятели быстро утрачивали вліяніе.

Кимонъ оказался необыкновенно искуснымъ и энергичнымъ вождемъ открывшейся на востокѣ войны. Онъ хорошо понялъ новыя задачи предприятия и удачными реформами приспособилъ къ нимъ организацію союза. Для отвоеванія береговъ у персидской державы нужно было вести заразъ морскую и сухопутную войну, а для послѣдней цѣли подвозить на тріерахъ крупный десантъ. Старыя военныя суда въ томъ видѣ, какой они имѣли еще при Саламинѣ, вмѣщали очень немного воиновъ; на нихъ не было сплошной палубы, и вооруженные пѣхотинцы могли стоять лишь на носу и на кормѣ. Кимонъ устроилъ покрытие по всему кораблю и получилъ возможность забирать на тріеру по 200 солдатъ; соотвѣтственно пришлось расширить борта кораблей и значительно увеличить число гребцовъ. Эти новыя Кимоновы тріеры и составили потомъ морскую славу Аѳинъ. Во главѣ союзнаго флота Кимонъ завоевалъ вновь Византію и Сестъ и очистилъ путь черезъ проливы, который при посредствѣ Павсанія опять было перегородили персы. Аѳинскій стратегъ бросился затѣмъ на еракійское побережье, гдѣ еще держались персидскіе гарнизоны и военные поселенцы. По виду это было продолженіе національной войны. Но какъ всегда аѳиняне преслѣдовали еще специальную завоевательную цѣль. Они считали особенно важнымъ утвердиться въ устьѣ рѣки Стримона, близъ богатой драгоцѣннымъ металломъ Пангейской горы, на выходѣ изъ хлѣбородной и лѣсистой страны, откуда можно было получать зерно и матеріалъ для постройки кораблей. Кимонъ взявъ послѣ многихъ усилій Эيونъ на Стримонѣ, истребилъ персидскій гарнизонъ и продалъ въ рабство туземное населеніе; на ихъ мѣсто были направлены аѳинскіе клерухи (475 г.). На возвратѣ домой Кимонъ сдѣлалъ еще одно завоеваніе уже внутри греческаго міра: онъ захватилъ островъ Скиросъ, лежащій на дорогѣ къ новымъ еракійскимъ владѣніямъ аѳинянь, подтѣмъ предложомъ, что его жители занимаются морскимъ разбоемъ. Аѳиняне опять поступили безпощадно: все населеніе Скироса было продано въ рабство, а на его мѣсто такъ же, какъ въ Эيونѣ, водворены аѳинскіе колонисты. Покореніе Скироса доставило Кимону особенную популярность; онъ открылъ на островѣ могилу великана, въ скелетѣ котораго признали останки національнаго аѳинскаго героя Тесея, по преданію погибшаго на Скиросѣ. Съ большимъ торжествомъ привезъ Кимонъ свою находку въ Аѳины, и аѳиняне отпраздновали возвращеніе стариннаго патрона города на родину.

Можетъ быть, ко времени успѣховъ Кимона относится устройство въ сѣверной части Эгейскаго моря огненнаго телеграфа, о которомъ такъ подробно и съ такимъ увлеченіемъ рассказываетъ Эсхилъ въ трагедіи «Агамемнонъ»¹⁰. Судя по его изображенію, сигнальные огни

зажигались одинъ за другимъ на извѣстныхъ высотахъ, поднимающихся на мысахъ и островахъ, и вѣсть быстро доходила отъ Геллеспонта до Аѳинъ: первая станція помѣщалась на горѣ Идѣ, недалеко отъ гомеровской Трои, на Эолійскомъ полуостровѣ; затѣмъ передаточными пунктами служили о. Лемносъ и Аѳонская гора на полуостровѣ Акте; отсюда сигналъ передавался на большомъ разстояніи къ высотѣ Макпста на о. Эвбеѣ, далѣе къ возвышенности, господствующей надъ Эврипомъ, т.-е. проливомъ, который отдѣляетъ Эвбею отъ Беотіи, и, наконецъ, на Киѳеронъ, кряжъ, пограничный между Беотіей и Аттикой. Этимъ способомъ аѳиняне слѣдили за тѣмъ, что происходило въ недавно отвоеванныхъ проливахъ, готовые при грозящей опасности двинуть туда свою эскадру.

Къ нашему сожалѣнію, событія второй половины 70-хъ годовъ, и особенно все, что связано съ паденіемъ крупнѣйшаго дѣятеля національной войны,Themistocles, весьма неясны.

ПаденіеThemistocles и гибель Павсанія. Въ Аѳинахъ противъThemistocles сложилась сильная коалиція, въ которой принимали участіе Филаиды и Алкмеониды, прежній ихъ соперникъ Аристидъ и еще архибогатѣй владѣлецъ рудниковъ (*λακκόπλουτος*) Каллій. Можно сдѣлать лишь косвенное заключеніе о той политической программѣ, которой держался выдающійся организаторъ новаѳинскаго государства и которая вызвала его низверженіе. И Кимонъ, и Каллій были филолаконами, т.-е. сторонниками Спарты. Отсюда можно вывести, чтоThemistocles, наоборотъ, настаивалъ на разрывѣ со Спартой; такъ какъ въ это время Спарта переживала тяжелый кризисъ, онъ, видимо, совѣтовалъ воспользоваться волненіями въ Пелопоннесѣ, подъемомъ демократическаго движенія, возстаніями крѣпостныхъ и нанести рѣшительный ударъ старому союзнику патріотической кампаніи 480—79 гг. Намъ извѣстно еще, что немного позже, уже послѣ своего изгнанія, Themistocles пытался сплотить союзъ демократій въ Пелопоннесѣ противъ Спарты; его обвиняють въ тайныхъ сношеніяхъ съ Павсаніемъ, который собирался волновать гелотовъ. Наконецъ, именно въ направленіи, враждебномъ Спартѣ, старалась потомъ вести внѣшнюю политику радикальная аѳинская демократія, а эта партія продолжала традиціиThemistocles. Такимъ образомъ, помимо личныхъ отношеній, Themistocles вызвалъ вражду партійную въ качествѣ организатора общей коалиціи демократій и вслѣдствіе этого рѣшительнаго противника Спарты. Въ свою очередь его враги сплотились на защиту Спарты, потому что боялись у себя дома торжества радикальныхъ элементовъ: Спарта была для нихъ опорой консервативныхъ порядковъ. Въ 473 г. Themistocles былъ изгнанъ остракизмомъ и отправился въ Пелопоннесъ.

Спарта переживала въ это время тяжелый кризисъ. Въ эпоху побѣды Кимона спартанскіе политики, раздраженные потерей гегемоніи на морѣ, попытались взять реваншъ на сушѣ. Въ Эссалию былъ отправленъ на корабляхъ экспедиціонный отрядъ подъ начальствомъ царя Леотихида; на знамени этого похода стояла расправа съ Алевадами за то, что они въ моментъ великаго нашествія персовъ передались врагу; въ дѣйствительности спартанцы, угрожаемые вновь возникшей силой Афинъ, ставшихъ на порогъ ихъ сношеній черезъ Истмъ, собирались утвердиться въ сѣверной Греціи, по другую сторону Аттики. Экспедиція въ Эссалию пошла очень удачно, но спартанскій царь не уберется отъ чисто-греческаго грѣха и далъ Алевадамъ подкупить себя; онъ не успѣлъ или не сумѣлъ укрыть обильное серебро, доставленное въ его лагерь. Леотихида тотчасъ же отозвали въ Спарту и приговорили къ смертной казни; онъ спасся бѣгствомъ на территорію союзной Тегей. Заочно его объявили свергнутымъ, замѣнили его внукомъ Архидамомъ и разрушили его домъ. Къ скандалу съ однимъ царемъ прибавился еще горшій съ другимъ, Павсаніемъ. Хотя уже въ 477 г. была совершенно ясна его измѣна, однако, у него оказалось много друзей, и царской власти его не лишили. Эфоры даже допустили его самовольный новый отъѣздъ на востокъ. Теперь, однако, Павсанія стали подозрѣвать въ вещахъ гораздо болѣе опасныхъ для самой спартанской общины, именно въ тайныхъ сношеніяхъ съ гелотами и въ подготовкѣ возстанія въ ихъ средѣ¹¹. Говорили, что царь обѣщаль имъ свободу и гражданскія права, если они сплотятся вокругъ него. Слухи о революціонныхъ замыслахъ Павсанія вызывали сами по себѣ большую тревогу въ Спартѣ; еще страшнѣе казались они въ связи съ поднимавшимся всюду въ Пелопоннесѣ антиспартанскимъ движеніемъ.

Для внутренней политики Спарты вообще и для тяжелаго положенія ея крайне характерны тѣ опасливые обходные приемы, которые примѣнили при расправѣ съ Павсаніемъ. Пока не было прямыхъ уликъ, его не рѣшались схватить; среди эфоровъ у него были даже сторонники. Враги Павсанія пошли на хитрости, устроили черезъ провокатора свиданіе, гдѣ эфоры получили возможность подслушать нѣсколько неосторожныхъ словъ царя. Но и послѣ этого эфоры хотѣли избѣгнуть казни: одинъ изъ нихъ посовѣтовалъ Павсанію бѣжать подъ покровительство храма мѣдностѣнной Аѣины. Въ храмѣ замуrowали двери и сняли часть крыши, чтобы наблюдать за положеніемъ заключеннаго. Когда замѣтили, что онъ близокъ къ голодной смерти, его вывели наружу, и онъ тотчасъ же скончался почти у подножія храма (въ 471 г.). Несмотря на все эти отталкивающія мѣры предосторожности, спартанцы нарушили право убѣжища и оскорбили божество. Дельфійскій оракулъ далъ имъ со-

вѣтъ въ послѣдствіи похоронить тѣло Павсанія въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ кончился, и поставить для искупленія гнѣва божества двѣ металлическія статуи.

Въ катастрофу Павсанія былъ затянутъ иThemistocles, который находился въ сношеніяхъ съ революціоннымъ спартанскимъ царемъ и поддерживалъ въ Пелопоннесѣ агитацію противъ консервативнаго правительства Спарты. Спартанцы принесли на него жалобу аѣинянамъ, настаивая на его мидизмѣ, т. е. измѣнѣ національному дѣлу. Въ Аѣинахъ Кимонъ, Каллій и другіе враги Themistoclesа жадно схватились за случай расправиться окончательно со своимъ геніальнымъ противникомъ. Весь послѣдующій процессъ по дѣлу отсутствовавшего Themistoclesа производитъ странное впечатлѣніе. Themistoclesъ былъ изгнанъ съ территоріи Аттики и временно лишенъ защиты своихъ правъ; тѣмъ не менѣе его привлекли къ суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ (такой судъ назывался *εἰσαγγελία*), и за нимъ послали судебныхъ приставовъ (*κρίτους*), чтобы арестовать обвиняемаго на чужой территоріи. Themistoclesъ успѣлъ бѣжать, съ большими трудностями перебрался сначала въ западную Грецію, скрывался у полудикаго царя Молоссовъ въ Эпирѣ, горными путями достигъ Эгейскаго моря, на транспортномъ кораблѣ не узнанный переѣхалъ въ Іонію, при чемъ чуть не попалъ въ плѣнъ къ аѣинянамъ, осаждавшимъ въ это время Наксосъ. Въ Аѣинахъ народное собраніе объявило надъ бѣглецомъ опалу: все его имущество было конфисковано, всякому предоставлялось убить его безнаказанно, и родина отказала ему въ правѣ быть погребеннымъ на своей территоріи (въ 470 г.).

Themistoclesъ прожилъ еще 7—8 лѣтъ послѣ прибытія въ Азію, но вліянія его на греческія дѣла уже незамѣтно. Онъ отправился къ персидскому двору въ Сузу и былъ принятъ очень милостиво преемникомъ Ксеркса, царемъ Артаксерксомъ. Изгнанникъ просилъ срока, чтобы выучиться персидскому языку, и по прошествіи года былъ снова принятъ. Фукидидъ рассказываетъ: «Онъ занялъ такое высокое положеніе, какъ еще никто изъ грековъ до него, отчасти благодаря своей прежней извѣстности, отчасти вслѣдствіе вызванной имъ въ персахъ надежды, что при его посредствѣ будетъ покорена Греція, а главнымъ образомъ потому, что на опытѣ онъ далъ цѣлый рядъ доказательствъ своего великаго разума». Историкъ продолжаетъ затѣмъ свою замѣчательную характеристику Themistoclesа въ такихъ словахъ: «Themistoclesъ доказалъ несомнѣннымъ образомъ силу своего генія и въ этомъ отношеніи достоинъ удивленія болѣе всѣхъ другихъ; по своимъ природнымъ дарованіямъ, не получивъ особой подготовки и даже не дополнивъ позднѣе образованія своего, онъ способенъ былъ, съ одной

стороны, къ самымъ быстрымъ и правильнымъ заключеніямъ въ вопросахъ даннаго момента, съ другой—къ поразительно мѣткимъ расчетамъ во всемъ, что касалось будущаго. Въ томъ, что попадало въ его руки, онъ умѣлъ легко найтись и управиться, для дѣлъ, которыя были ему новы или далеки, онъ тотчасъ же находилъ правильное сужденіе: среди неясныхъ очертаній будущаго онъ отлично видѣлъ впередъ, гдѣ надо искать пользы или вреда. Словомъ сказать, выдаваясь мощью своего таланта и быстрымъ натискомъ въ подготовкѣ дѣлъ, этотъ человекъ былъ первымъ мастеромъ импровизировать все, что только требовалось¹².

Царь далъThemistocle три города въ Малой Азіи, близь берега моря: Магнезію на Мэандрѣ, которая приносила 50 талантовъ дохода, на хлѣбъ, Лампсакъ на вино и Міунтъ на закуску. Послѣдніе два города, собственно, входили въ составъ дѣлійской симмахіи и находились во власти аеинянъ; слѣд., царь явно ставилъThemistocle въ положеніе непосредственнаго противника своихъ сородичей. Въ Аеинахъ потомъ, когда смолкли личныя нападки на него, никто не хотѣлъ вѣрить въ возможность реальной измѣны родинѣ величайшаго врага персовъ; поэтому утвердилась легенда о насильственной смертиThemistocle: онъ принялъ будто бы ядъ, чтобы не служить персамъ противъ своей родины. И даже аеиняне вѣрили, что, несмотря на строжайшій запретъ, какимъ-то таинственнымъ образомъ въ Аттику былъ привезенъ прахъ великаго человека, точно для того, чтобы успокоить его тѣнь. Фукидидъ, которому принадлежитъ честь реабилитаціиThemistocle, пораженъ совпаденіемъ и сходствомъ въ катастрофѣ Павсанія иThemistocle, двухъ «самыхъ знаменитыхъ» грековъ того времени. И правда, оба крупнѣйшіе дѣятеля національной войны, которые открыли наиболѣе дѣйствительные способы борьбы съ персами и пробили этимъ пути къ расширенію Греціи, кончили одинаково трагически, одинаково преступно противъ родины, подъ одинаковымъ чарующимъ воздѣйствіемъ богатаго, блестящаго Востока. Но въ политическомъ поведеніи того и другого есть еще одна общая черта: они выступаютъ вождями и организаторами большого демократическаго движенія, поднимающагося во время національной войны и въ связи съ этой войной.

Демократическія движенія въ пелопоннесскихъ общинахъ. Смерть Павсанія и изгнаніеThemistocle не избавили Спарту отъ опасности демократическаго движенія, охватившаго почти весь Пелопоннесъ. Themistocle имѣлъ больше всего связей съ общиной Аргоса, гдѣ послѣ разгрома 495 г. произошла большая перемѣна. Потерявъ свое старинное ополченіе благородныхъ, Аргосъ, подъ давленіемъ бѣды, долженъ былъ разстаться и съ аристократической исключительностью строя: чтобы

пополнить страшную убыль, въ гражданство были приняты въ большомъ числѣ періойки. Отсюда съ неизбежностью начались и демократическія реформы. Мы не знаемъ точно, когда онѣ были введены, но въ нихъ чувствуется вліяніе афинской демократіи, и притомъ даже во внѣшнихъ формахъ. Въ Аргосѣ было въ послѣдствіи народное собраніе и народный судъ, большая буле рядомъ со стариннымъ совѣтомъ 80 (какъ въ Афинахъ совѣтъ 500 рядомъ съ Ареопагомъ), и даже, что особенно характерно, существовалъ обычай остракизма. Демократизованный Аргосъ пылалъ къ Спартѣ не меньшей враждой, чѣмъ раньше, но оказался пожалуй болѣе опаснымъ для нея, чѣмъ въ свою аристократическую эпоху; дѣло въ томъ, что демократія была всюду новымъ синоикизмомъ, т.-е. централизацией силъ и людей въ одномъ пунктѣ, которая сопровождалась истребленіемъ самостоятельности и часто разрушеніемъ всякой жизни въ другихъ пунктахъ. Въ Арголидѣ были два старинные города, знаменитые своимъ историческимъ прошлымъ, Тиринь и Микены; они находили опору въ Спартѣ и представляли извѣстный противовѣсъ Аргосу. Теперь новое правительство Аргоса рѣшило покончить съ ихъ автономіей. Одна за другой были взяты голодомъ обѣ неприступныя крѣпости (Тиринь въ 472 г., Микены въ 464 г.). Оба города, окруженные старинными стѣнами, сравнили съ землей, оставшіеся въ живыхъ люди бѣжали и были обращены въ крѣпостныхъ. Въ большой аргосской долинѣ остался только одинъ городъ, остальные поселки сдѣлались ничтожными, зависящими отъ него деревнями.

Движенія подобнаго же характера происходили во многихъ общинахъ, принадлежавшихъ къ составу Пелопоннескаго союза, и, слѣд., уже прямо угрожали Спартѣ, въ свое время построившей господство на раздробленіи союзниковъ и на сближеніи съ аристократіями. Въ Элидѣ демократическое движеніе прямо примыкаетъ къ національной войнѣ. Въ 479 г. элейское ополченіе опоздало къ сраженію при Платеяхъ и въ результатъ лишилось участія въ богатой добычѣ, взятой съ персовъ остальными союзниками. Крайне этимъ раздраженное, воинство возмутилось противъ своихъ вождей, принадлежавшихъ къ правящему классу, и подвергло ихъ изгнанію. Въ сущности это и было началомъ демократическаго переворота. Элейская демократія взяла себѣ за образецъ Афины. Рѣшили учинить синоикизмъ, замѣнили старые самостоятельные сельскіе округа (*δᾶμοι*, т.-е. *δῆμοι*) новымъ административнымъ дѣленіемъ на 10 филъ (та же цифра, что въ клисееновскомъ строѣ), устроили такое же общее представительство филъ и въ томъ же составѣ въ видѣ совѣта 500 и помѣстили это общее правительство въ новомъ, искусственно воздвигнутомъ городѣ, именемъ Элида (472 г.).

Наконецъ, зашевелились и остальные раздробленные маленькіе кантоны Аркадіи. Между прочимъ, соединились въ одинъ укрѣпленный лагерь пять деревенскихъ поселковъ, составлявшихъ кантонъ Мантинейю. Объединенная Мантинейя также стала демократіей и немедленно потянулась къ союзу съ Аргосомъ противъ Спарты.

Спартѣ это движеніе грозило большой опасностью: элейцы почти отпали отъ союза, аркадяне возстали открыто, и въ союзѣ съ Аргосомъ надвигались на самое Спарту. Затрудненія Спарты дали необыкновенно выгодные шансы Аѣинамъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ аѣинская республика, не опасаясь никакихъ ударовъ и противоѣйствій сзади, торжествуетъ свои величайшіе успѣхи въ борьбѣ съ персами и одновременно закрѣпляетъ свое господство въ морской державѣ надъ союзниками.

Превращеніе делійскаго союза въ аѣинскую державу. Послѣ побѣды Кимона въ Геллеспонтѣ и во Эракии въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на морѣ было тихо. Между тѣмъ персы стали готовить большой флотъ для новаго нападенія на Грецію. Предупреждая персидскую экспедицію, аѣиняне въ 468 г. двинули навстрѣчу ей крупную эскадру подъ начальствомъ испытаннаго на морѣ Кимона. Аѣинскій адмиралъ направился къ Книду на юго-западномъ углу Малоазійскаго полуострова; отсюда онъ поѣхалъ вдоль берега дальше на востокъ и склонился къ отпаденію отъ персовъ цѣлый рядъ негреческихъ городовъ Карии и Ликии. Это расширеніе морской державы аѣинянгъ было закрѣплено блестящей двойной побѣдой Кимона при устьѣ Эвримедонта въ Памфилии, гдѣ онъ окончательно разгромилъ большой финикійскій флотъ персидскаго царя и затѣмъ, высадившись на берегъ, разбилъ сухопутное войско персовъ. Битва при Эвримедонтѣ представляетъ въ сущности конецъ національной войны въ смыслѣ обороны греческаго міра отъ персидскаго завоеванія; Эгейское море опять стало греческимъ; малоазійскія колоніи вышли изъ подчиненія персамъ. Можно сказать, что задачи союза, образовавшагося въ 478—477 году подъ руководствомъ Аѣинтъ, были исчерпаны: онъ могъ бы разойтись. Но именно въ этотъ моментъ ясно обнаружилось, что руководящая община совершенно иначе понимаетъ смыслъ и назначеніе союза; аѣиняне видѣли въ контингентахъ и взносахъ союзниковъ подчиненную себѣ военную и финансовую силу, которую вольны направлять въ любыя предпріятія, не только оборонительныя, но и всякаго рода завоеванія; въ то же время они считали союзъ уже не добровольнымъ соединеніемъ городовъ, согласившихся вести только освободительную борьбу, а принудительной связью, которая не подлежитъ болѣе расторгненію. Со всею беспощадностью, на какую Аѣины были способны, они показали свое

пониманіе условій союза въ двухъ случаяхъ, которые приходится, одинъ передъ самой экспедиціей Кимона, а другой нѣсколько позднѣе побѣды при Эвримедонтѣ.

Во время приготовленія персидскаго царя къ нападенію на Эгейское море, отъ федераціи отложился богатый островъ Наксосъ, можетъ быть, въ надеждѣ на помощь персовъ. Аѣиняне тотчасъ приняли энергичныя мѣры, осадили главный городъ острова, принудили его къ сдачѣ и отняли у общины автономію. Съ этой поры она платила подать. Еще рѣзче поступили аѣиняне съ общиной острова Тасоса, въ которомъ они видѣли своего опаснаго соперника по эксплуатаціи металлическихъ рудниковъ близъ устья Стримона. Около Пангейской горы съ ея залежами золота и серебра вообще крутился дикій вихрь соперничества; къ обладанію ея рудниками стремились и полудикіе еракійскіе князья, и царь македонскій, подвигавшійся внизъ по Стримону къ морю, и аѣиняне, которые старались утвердиться въ Эйонѣ близъ устья рѣки, и островъ Тасосъ, отдѣленный отъ берега лишь небольшимъ проливомъ. Аѣиняне придавали огромное значеніе колонизаціи еракійскаго края при устьѣ Стримона: нѣсколько разъ, несмотря на жестокія потери, поселяли они здѣсь своихъ клеруховъ. Въ 465 году Тасосъ, угрожаемый новой крупной колоніей, высланной аѣинянами, рѣшился возстать въ расчетѣ на то, что спартанцы отвлекутъ силы ихъ нападеніемъ на самое Атику. Но спартанцы, слишкомъ поглощенные своими затрудненіями въ Пелопоннесѣ, предоставили Тасосъ собственной участи. Передъ его стѣнами появился герой національной войны, Кимонъ, только что изгнавшій послѣдніе остатки персидскихъ гарнизоновъ и поселенцевъ съ европейскаго побережья близъ Геллеспонта. Аѣиняне произвели самую суровую расправу: потребовали уступки материковыхъ владѣній Тасоса вмѣстѣ съ ихъ рудниками, разрушенія городскихъ стѣнъ, выдачи военныхъ кораблей и уплаты контрибуціи; Тасосъ перешелъ на уплату дани и обратился въ подчиненную общину.

Эти экзекуціи достаточно освѣщаютъ то новое направленіе, въ духъ котораго аѣиняне стали управлять союзомъ. Вдобавокъ ко всему, мы не слышимъ о какомъ-либо участіи союзнаго собранія въ рѣшеніи вопроса объ отпавшихъ. Аѣиняне дѣйствуютъ въ обоихъ случаяхъ совершенно самостоятельно, въ полномъ сознаніи своего исключительнаго авторитета, не справляясь съ мнѣніемъ другихъ союзниковъ. Еще въ другомъ отношеніи Аѣины стали замѣтно отступать отъ первоначальныхъ условій союза. Хотя всемъ общинамъ была гарантирована автономія, однако руководящій городъ позволяетъ себѣ вмѣшиваться во внутреннюю жизнь союзниковъ. Началось съ естественнаго тяготѣнія демократіи въ союзныхъ общинахъ къ аѣинскому демосу и его руководите-

лямъ. Идя навстрѣчу этому движению, аеиняне помогаютъ демократическимъ революціямъ и установленію демократическихъ конституцій. Особенно рѣзкій случай такого рода представляетъ введеніе аеинянами конституціонныхъ реформъ въ городѣ Эриеры на малоазійскомъ берегу. Мы узнаемъ изъ сохранившейся надписи, что аеинское народное собраніе опредѣлило для Эриеръ способъ избранія (жребіемъ) членовъ городского совѣта, а также ихъ количество, затѣмъ ввело аеинскій способъ провѣрки (докимасію) при избраніи и установило текстъ присяги для эриерейцевъ; въ этой присягѣ заключалось обѣщаніе вѣрности Аеинамъ и союзу. Но этого мало. Такъ какъ въ Эриерахъ происходили, повидимому, большія волненія и пришлось отправить аеинскій оккупационный отрядъ, то выборы въ союзномъ городѣ были поставлены подъ надзоръ командира (φρούραρχος) присланнаго изъ Аеинъ гарнизона. Этотъ аеинскій офицеръ получилъ полномочіе и впредь ежегодно вмѣстѣ съ совѣтомъ, ухившимъ въ отставку, производить выборы новаго состава совѣта и, слѣд., могъ оказывать сильнѣйшее давленіе на управленіе общины¹³. Есть еще случаи присылки изъ Аеинъ въ союзныя общины гражданскихъ чиновниковъ, такъ наз. ἐπίσκοποι.

Подчиненію союзныхъ общинъ всего болѣе содѣйствовало развитіе судебного авторитета главнаго города. Всѣ процессы, касавшіеся союзнаго строя, разбирались аеинскимъ народнымъ судомъ: измѣна союзу и отпаденіе отъ него, сношенія съ врагами, нарушеніе союзническихъ обязанностей, всякіе столкновенія и споры между Аеинами и союзными общинами, всякіе жалобы и споры по уплатѣ союзныхъ взносовъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ судъ былъ односторонній, исключительно направляемый господствующимъ городомъ. Но этого мало: Аеины старались въ подчиненныхъ городахъ забрать внутренній судъ; всѣ процессы по болѣе тяжкимъ проступкамъ, за которые грозила смерть или изгнаніе и лишеніе гражданскихъ правъ, должны были итти на разбирательство въ Аеины. Центральная община стала распорядиться средствами союза въ качествѣ прямыхъ своихъ доходовъ и принадлежащихъ ей повинностей. Аеиняне начали требовать вспомогательныхъ отрядовъ у союзниковъ для различныхъ предпріятій, которыя уже не касались союза и стояли внѣ его сферы, при нападеніи на пересовъ въ Египтѣ и даже въ войнѣ съ другими греческими общинами. Значительная часть экипажа аеинскаго флота стала набираться изъ населенія союзныхъ городовъ.

Въ союзномъ строѣ произошла коренная перемѣна. Оставаясь лишь по имени аеинскимъ союзомъ (ἡ Ἀθηναίων σὺμμαχία), организація на дѣлѣ стала аеинской державой; Аеины обратились въ столицу большого морского государства (ἡ ἀρχὴ ἡ Ἀθηναίων).

Героическая лирика и драма. Къ началу шестидесятихъ годовъ вымерло или ушло со сцены поколѣніе участниковъ національной войны (Аристидъ умеръ вскорѣ послѣ остракизмаThemistocles). Настроения и взгляды этой генераціи нашли себѣ яркое выраженіе въ поэзіи Эсхила, Симо니다 и Пиндара. Они все отдають дань воинственному патріотизму. На разные лады и каждый наиболѣе ему доступными способами прославляютъ они національныя побѣды и отдѣльныхъ борцовъ: Эсхиль въ драмѣ «Персы», поставленной въ 472 г. и увѣковѣчившей сраженіе при Саламинѣ, Симонидъ и Пиндаръ въ одахъ на славныхъ бойцовъ, начиная отъ Марафона и кончая Платеями. Симонидъ выдѣлился еще особеннымъ жанромъ патріотической поэзіи, небольшими эпиграммами, кратко схватывающими характеръ тѣхъ или другихъ воителей, напр., 300 спартанцевъ, павшихъ вмѣстѣ съ Леонидомъ при Фермопилахъ, коринѳянина Адейманта и др. Извѣстность его была такъ велика, что, по изгнаніи персовъ, чуть ли не со всей Греціи къ нему слали заказы на эпитафіи для павшихъ ополченцевъ или на стихотворныя надписи къ вновь воздвигаемымъ національнымъ памятникамъ. Всего труднѣе было наладиться на тонъ воинствующаго націонализма оиванцу Пиндару, тѣмъ болѣе, что онъ стоялъ близко къ аристократическимъ кругамъ, которые во время войны держались опредѣленно мидизма, но и онъ долженъ былъ послѣдовать за общимъ теченіемъ, привѣтствовать Аѳины въ качествѣ «крѣпкой опоры Греціи» (*Ἑλλάδος ἔρεισμα*)¹⁴.

Пиндаръ и Эсхиль расходятся въ политическихъ симпатіяхъ. Пиндаръ поглощенъ интересами своихъ высоко аристократическихъ друзей, династовъ и знатныхъ молодыхъ побѣдителей на играхъ, которыхъ онъ воспѣваетъ въ Пиѳійскихъ и Олимпійскихъ одахъ. Въ общемъ онъ цѣнитъ больше всего твердый законный порядокъ, богобоязненность и миролюбіе гражданъ, качества, охраняющія отъ мятежа и распущенности. Эсхиль время отъ времени произноситъ комплиментъ независимому праву и республиканизму аѳинянъ. «Нѣтъ участи хуже подчиненія тиранну», говоритъ у него хоръ гражданъ. Въ драмѣ *Ἰκέτιδες* (Умоляющія о защитѣ) Эсхиль такъ описываетъ аѳинскую еkkлecію словами старика-иностранца: «Помолодѣло сердце мое, когда я увидаль этотъ единодушный народъ, торжественно поднявшій кверху правыя руки свои, когда задрожаль воздухъ отъ тысячи дружныхъ голосовъ». «Нерушимо всенародное рѣшеніе (*δημόπρακτος μία ψήφος*),—говорится дальше въ драмѣ,—пусть оно не вырѣзано на камнѣ, пусть не связано въ грамотѣ печатью, но еще крѣпче оно запечатлѣно свободнымъ словомъ»¹⁵.

Въ поэтическихъ образахъ Пиндара и Эсхила есть, однако, общая черта, навѣянная временемъ. Оба они ищутъ героическихъ натуръ,

приподнятых настроений, какого-то рыцарства священного долга. Особенно поразительны в этом отношении пьесы Эхила Агамемнонь—Хоэфоры—Эвмениды, вмѣстѣ составляющія трилогію «Орестейя». Въ основу положенъ миѣ объ обогренномъ кровью родѣ Пелопидовъ, въ которомъ преступленія идутъ непрерывной цѣпью: тутъ отцу подаютъ отвратительное блюдо изъ зарѣзанныхъ дѣтей его, одинъ братъ убиваетъ другого, жена—своего мужа, сынъ—свою мать. Въ этихъ потокахъ крови, въ нагроможденіи злодѣяній, порождаемыхъ одно изъ другого, поэтъ занимаетъ мотивъ мести, который ему глубоко симпатиченъ, и воплощается особенно въ молодомъ Орестѣ, героѣ двухъ послѣднихъ драмъ, убивающемъ свою мать Клитемнестру въ отмщеніе за убитаго ею отца Агамемнона. Эхиль въ обилии приводитъ выраженія старыхъ религіозныхъ проклятій: «кровь убитаго кричитъ и жаждетъ новаго пролитія»; «кто совершилъ кровавое убійство, долженъ умереть той же кровавой смертью»; «возмездіе равнымъ за равное—законъ, положенный въ священныхъ заповѣдяхъ отцовъ». Боги неумолчно напоминаютъ о немъ людямъ и вдохновляютъ мстителей. Пророчица Кассандра предвидитъ злую участь Агамемнона и свою собственную близкую гибель; она молить всевидящее солнце только объ одномъ: поднять мстителя, который причинилъ бы ей убійцѣ тѣ же муки, что суждены ей. Что такое месть? Это—правда, и даже высшая правда (Δίκη). Самъ Аполлонъ предписываетъ месть Оресту и потомъ беретъ подъ свое покровительство матереубійцу, очищаетъ его отъ проклятія. Хоръ женщинъ, плачущихъ надъ могилой Агамемнона, глубоко сочувствуетъ Оресту: «какъ мнѣ назвать его, убійцей, или, скорѣе, спасителемъ?» Наконецъ, этотъ самосудъ, вмѣсто того, чтобы быть отвергнутымъ со стороны настоящаго правильнаго суда, получаетъ въ Ареопагѣ, учрежденномъ Аѳинами, торжественное оправданіе.

Для насъ все это очень странно звучитъ, но явно, что Эхиль, построивъ на мотивахъ мести и кровавой ушибицы трагическую завязку, считалъ сюжетъ возвышеннымъ, способнымъ захватить интимныя чувства человѣка. Психологія вендетты, которая, говорятъ, сейчасъ еще жива въ Корсикѣ, въ Греціи могла заинтересовать широкую публику театра, и поэтъ видѣлъ въ ея изображеніи рядъ красивыхъ, благородныхъ и патетическихъ положеній.

Религіозная философія эпохи національной войны. У Эхила есть еще одна любопытная драма, въ которой героическое начало человеческой натуры находитъ себѣ совершенно иное выраженіе. Это—«Скованный Прометей».

Старый миѣ о богѣ-другѣ людей, похитившемъ у небесъ огонь и наказанномъ за это отъ руки верховнаго бога Зевса, преобразованъ

у Эсхила. Прометей виноватъ только въ одномъ—въ безконечной любви къ людямъ (φιλάνθρωπος τρόπος). Онъ лишенъ, по Эсхилу, качествъ и силъ бога, у него нѣтъ никакой внѣшней мощи; но онъ гениально прозорливъ и изобрѣтателенъ; онъ поднялъ пригнетенное къ землѣ тупое и беспомощное животное и сдѣлалъ его человѣкомъ, вдохнулъ въ него сознаніе и разумъ, открылъ ему всѣ тайны техники, науки и искусства. Иначе говоря, Прометей и есть гений человѣка, его культурная сила и творчество, онъ—олицетвореніе трудящагося, разумнаго, энергичнаго, изобрѣтательнаго человѣчества. Вотъ это пробужденіе человѣка, гордый подъемъ его духа, и есть вина въ глазахъ боговъ; они гонятъ и мучатъ Прометея, они ввергаютъ его въ адъ только за освобожденіе ума, за «познаніе добра и зла», и поступаютъ они такъ только изъ зависти и въ силу грубаго произвола, въ силу внѣшняго перевѣса, который имъ данъ. Въ столкновеніи человѣчества съ божествомъ моральная правда на сторонѣ перваго, и протесту несправедливо страдающаго человѣка дано рѣзкое и сильное выраженіе. Изъ новѣйшихъ произведеній мы невольно больше всего вспоминаемъ по этому поводу байроновскаго Каина. Въ Прометее горитъ независимый гордый духъ яснаго сознанія, онъ не смирится передъ внѣшней силой, онъ еще рѣзче подниметъ голосъ противъ произвола и неправды: онъ носить въ себѣ самомъ законъ справедливости и въ торжествующихъ богахъ не хочетъ признать господъ и разумныхъ міроправителей. Прометей «ненавидитъ всѣхъ боговъ за то, что, блаженствуя наверху, они несправедливо мучатъ его»; боги—«завзавшіеся новички, только что свѣшіе у власти и жаждущіе безпечальнаго существованія въ своихъ чертогахъ».

Развязка глубоко трагична для человѣческаго гения, но опять въ ней—осужденіе боговъ. Зевсъ боится неизвѣстной таинственной участи; онъ посылаетъ Гермеса вывѣдать у Прометея будущее, узнать тайну о грядущемъ мстителѣ, который его, Зевса, низвергнетъ. Но Прометей ничего не скажетъ, несмотря на угрозы еще горшими мучками; пусть будетъ онъ брошенъ въ тьму кромѣшную, пусть сердце его будетъ клевать чудовищный хищникъ; съ гордымъ вызовомъ небеснымъ деспотамъ онъ гибнетъ, погружается въ бездну отъ удара молніи вмѣстѣ со скалой.

Въ драмѣ Эсхила есть извѣстная гордыня протеста ума противъ унаслѣдованныхъ началъ религіи. Поэтъ-философъ не отрицаетъ боговъ, личныхъ могучихъ силъ, дѣйствующихъ во вселенной; но въ его глазахъ моральная жизнь человѣка, его интеллектъ и воля не подчинены этимъ силамъ; человѣческая справедливость велика сама по себѣ, безъ одобренія свыше и даже она можетъ возставать противъ міропорядка, правдъ враждебнаго.

Иного характера религиозныя воззрѣнія Пиндара. Онъ консерваторъ и оптимистъ, онъ ищетъ примиренія съ божественными силами. Есть на свѣтѣ «высшій правящій законъ, царь смертныхъ и бессмертныхъ»¹⁶. Никакое нарушеніе его, никакая дерзость человѣка не остаются безъ возмездія. Природа неодинаково раздѣлила между людьми свои дары; но истиннаго добра и славы человѣкъ можетъ достигнуть лишь при помощи боговъ. Высшій предѣлъ человѣческаго счастья—слава и богатство, добытыя честностью и храбростью, вмѣстѣ съ познаніемъ того, что предстоитъ на томъ свѣтѣ. Воззрѣнія Пиндара на жизнь загробную весьма характерны для эпохи. Пиндаръ былъ посвященъ въ элевсинскія мистеріи и воспринялъ здѣсь ученіе такъ наз. орфиковъ о переселеніи душъ. Блаженъ тотъ, кто видѣлъ священные дѣйства, ибо ему вѣдомы начало и конецъ жизни. Тѣло подчиняется смерти, но душа, будучи божественнаго происхожденія, остается жить вѣчно. Нечестивцы несутъ кару уже на землѣ, но имъ предстоитъ еще страшный судъ въ преисподней, а за нимъ жестокія муки и казни. Души благородныхъ и благочестивыхъ людей будутъ жить на томъ свѣтѣ подъ вѣчнымъ сіяніемъ солнца, свободные отъ земной работы, отъ страданій и слезъ. А тѣхъ, кто три раза совершилъ странствованіе души на этомъ и на томъ свѣтѣ, и кто сумѣлъ уберечься отъ всякой неправды, боги примутъ въ свою среду; Зевсъ унесетъ ихъ на островъ блаженныхъ, окуриваемый ладаномъ жертвъ, освѣжаемый морскимъ вѣтромъ, гдѣ среди цвѣтущихъ луговъ и райскихъ деревьевъ они будутъ отдаваться невиннымъ играмъ и музыкѣ.

Вожди радикальной демократіи. Подавленная ростомъ демократій въ Пелопоннесѣ, Спарта не могла помѣшать усиленію аѳинской державы и гибели автономіи греческихъ общинъ, подчинившихся Аѳинамъ. По мѣрѣ того, какъ росли успѣхи Аѳинъ на морѣ, усиливалась радикальная партія, въ свое время организованная Фемистокломъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ ея вождемъ былъ Эфіальтъ; рядомъ съ нимъ впервые выдвинулся Периклъ, сынъ Ксанѳиппа и Агаристы, племянницы Клисѳена, главный наслѣдникъ политики Алкмеонидовъ. Объ Эфіальтѣ, рано сошедшемъ съ политической сцены, сохранилось мало свѣдѣній. Консерваторы ненавидѣли его: въ комедіи, враждебной демократіи, говорилось, что подъ вліяніемъ рѣчей Эфіальта народъ сорвалъ узду, какъ бѣшеный конь, а по Платону, Эфіальтъ «опоилъ демосъ неумѣренной свободой». Видимо, Эфіальтъ былъ очень горячимъ и рѣзкимъ демагогомъ. При всемъ раздраженіи противъ него консерваторы должны были признать его неподкупность и политическую честность¹⁷.

Для характеристики Перикла у насъ матеріалъ весьма обильный. Прежде всего важно сужденіе Фукидида, который засталъ Перикла въ

живыхъ, не разъ слушалъ его рѣчи и видѣлъ непосредственно его политическую дѣятельность. Фукидидъ изображаетъ Перикла въ началѣ исторіи Пелопоннесской войны въ видѣ идеальнаго вождя народа и организатора, который все предусмотрѣлъ въ подготовкѣ войны и намѣтилъ для Аѳинъ единственно вѣрную политику, къ сожалѣнію, потомъ покинутую аѳинянами на вѣрную свою погибель. Историкъ рисуетъ фигуру Перикла на фонѣ тѣхъ ошибокъ и несчастій, въ которыя впали потомъ Аѳины; Периклъ—послѣдній руководитель республики, его преемники уже не въ силахъ были направлять и сдерживать массу. Отсюда характеристика Перикла: «въ мирное время управлялъ умѣренно... могущественный по своему авторитету и разумному взгляду на вещи, онъ правилъ народомъ независимо и скорѣе велъ его, чѣмъ позволялъ ему вести себя; такъ какъ его вліяніе не опиралось на сомнительные источники, онъ никогда не льстилъ народу, а перѣдко, зная о личномъ уваженіи, которымъ пользуется, рѣзко ему возражалъ. Какъ только онъ замѣчалъ, что аѳиняне нехотятъ заражались дерзкой самоувѣренностью, онъ старался своею рѣчью повергнуть ихъ въ страхъ; когда, напротивъ, у нихъ поднимались неосновательныя опасенія, онъ снова вызывалъ въ нихъ спокойную увѣренность. Такимъ образомъ, по имени была (въ Аѳинахъ) демократія, а на дѣлѣ монархія перваго (по значенію) человѣка»¹⁸. Легко замѣтить все преувеличеніе въ оцѣнкѣ Фукидида, и очень хорошо видны мотивы, которые привели его къ подобной идеализаціи. Притомъ это сужденіе историка относится, главнымъ образомъ, къ концу дѣятельности Перикла; что касается его перваго выступленія, его ранней программы и манеры, то у Фукидида они совершенно лишены ясныхъ очертаній. И все-таки изъ характеристики Фукидида можно сохранить нѣчто весьма существенное. Независимость сужденій, самообладаніе и спокойная увѣренность выступленій, своеобразное вліяніе на кипящую страстями, колеблемую аффектами аѳинскую массу—вотъ качества, которыми выдѣлялся Периклъ и которыя неизгладимыми чертами врѣзались въ память его величайшаго поклонника, увѣковѣчившаго его личность въ своемъ великомъ историческомъ трудѣ.

Гораздо разностороннѣе, но и гораздо дальше отъ оригинала стоитъ характеристика Перикла въ біографіи, составленной Плутархомъ. Предполагаютъ, что въ основѣ этой біографіи лежитъ работа Теоппа, историка середины IV вѣка. Здѣсь собрано много мелочнаго, все, что можно было добыть изъ нападокъ комедій, изъ злословія памфлетистовъ и составителей скандальныхъ мемуаровъ. Но біографія Плутарха прибавляетъ не много новаго къ политической физиогноміи Перикла, нарисованной Фукидидомъ. И мы также собственно ничего не узна-

емъ характернаго о ранней порѣ дѣятельности Перикла, когда онъ примыкалъ къ группѣ самыхъ радикальныхъ политиковъ Аѳинъ. Впрочемъ, въ Плутарховой біографіи Перикла выдѣляется одна любопытная черта. Намъ говорятъ, что крупнѣйшій дѣятель аѳинской демократіи выросъ и сложился въ кружкѣ умственной аристократіи, что у него были выдающіеся учителя и вдохновители, между прочимъ, астрономъ и физикъ Анаксагоръ изъ Клазоменъ въ Малой Азіи, и особенно аѳинянинъ Дамонъ, сынъ Дамонида, изъ округа Ойя. Впослѣдствіи Дамонъ слылъ за человѣка глубоко разумныхъ взглядовъ въ политикѣ, философски образованнаго, за авторитетъ въ теоріи искусства и великолѣпнаго педагога. Злые языки утверждали, что все оригинальное въ программѣ Перикла, собственно, принадлежитъ Дамону, напр., введеніе платы за участіе гражданъ въ судѣ, которое составило начало большой системы раздачь¹⁹.

Какъ понимать роль этихъ идеальныхъ вдохновителей и учителей политической техники? Съ одной стороны, здѣсь есть доля литературнаго вымысла и преувеличенія. Впослѣдствіи, въ эпоху «просвѣщеннаго деспотизма» въ Греціи, при политическомъ дѣятелѣ полагался философъ, идеальный направитель или истолкователь, ученый секретарь или популяризаторъ большого практическаго дѣла. Профессоръ, въ родѣ Платона, отправлялся ко двору царя или тиранна, желая занять подобную роль при немъ; въ то же время правитель для блеска, иногда для реабилитаціи своей насильственной политики, заводилъ себѣ учено-философскую канцелярію. При составленіи біографіи Перикла нашли нужнымъ перенести на его эпоху ту же обязательную комбинацію великаго политика-практика съ мудрецами-теоретиками. Какъ всегда, добавляя античныхъ писателей, новоевропейцы нарисовали даже, на основаніи отрывочныхъ данныхъ Плутарха, картину блестящаго высокоинтеллигентнаго общества художниковъ, литераторовъ, ученыхъ Греціи, собиравшагося въ домѣ Перикла, гдѣ царил куртизанка, впослѣдствіи его жена, Аспасія. Представленіе о салонѣ Аспасіи, разумѣется, очень шатко, но свѣдѣнія о близости Перикла къ физіку Анаксагору, историку Геродоту, софисту Протагору, художнику-реформатору Фидію, все же весьма цѣнны. Изъ нихъ видно, что великій демагогъ стоялъ на уровнѣ высшаго образованія своего времени. Очень характерно, что никто не упоминаетъ объ ученой школѣ, пройденной Мильтіадомъ, Аристидомъ, Ѳемистокломъ, Павсаніемъ или Кимонъ, хотя послѣдній уже близокъ по времени къ Периклу. И Ѳемистоклъ, и Кимонъ были люди, завѣдомо лишеныя теоретическаго образованія, ихъ краснорѣчіе было природное, не выработанное технически. Поэтому извѣстія о политическомъ воспитаніи Перикла заслу-

живаютъ вниманія: они показываютъ, что въ общественной жизни явились нѣкоторыя требованія, политика стала сложной системой знаній и пріемовъ; кто хотѣлъ выдвинуться въ Аѣнахъ, какъ стратегъ, долженъ былъ заготовить свѣдѣнїя по финансамъ и администраціи, кто желалъ съ успѣхомъ выступать передъ большими и чуткими политическими аудиторїями, долженъ былъ озаботиться литературной и риторической обработкой своихъ публичныхъ обращеній. Перикль дѣйствительно могъ быть однимъ изъ первыхъ въ дѣлѣ систематической подготовки къ дѣятельности администратора и демагога въ аѣнской республикѣ; онъ бралъ еще только уроки на дому; впоследствии для выработки специалистовъ политики возникли школы, и появились профессора; мы хорошо знаемъ ихъ подъ именемъ софистовъ. Сознаніе необходимости подобной подготовки показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ большихъ политическихъ собранїяхъ появился новый слой публики, который можно назвать интеллигенціей: она вносила свои вкусы, ставила свои законы произнесенію рѣчей и веденію дебатовъ.

Паденіе консервативной партїи въ Аѣнахъ. Эфіальтъ и Перикль выступили рѣшительно въ моментъ возвращенія Кимона изъ побѣдоносной кампанїи во Фракіи и послѣ расправы надъ мятежнымъ Фасосомъ. Въ 463 году Перикль предъявилъ Кимону обвиненіе въ томъ, что онъ далъ себя подкупить македонскому царю, союзнику аѣйцевъ, и упустилъ отрѣзать территорію. Не легко было свалить Кимона, очень популярнаго среди широкихъ круговъ аѣнскаго общества: онъ умѣлъ наполнять золотомъ, захваченнымъ на войнѣ, городскую казну, доставлять заработокъ и добычу массѣ еетовъ, служившихъ во флотѣ; на его счетъ начаты были такія важныя сооруженія, какъ новый храмъ богини Аѣины на акрополѣ и Длинные стѣны, которыя должны были соединить городъ Аѣины съ его портами въ одну большую крѣпость. Кимону удалось легко оправдаться. Онъ достигъ еще большаго, убѣдилъ аѣянъ послать помощь совершенно подавленной Спартѣ.

Въ 464 году въ Спартѣ произошло сильное землетрясеніе; рушилась большая часть зданій, погибло много спартанцевъ, и гражданство растерялось тѣмъ болѣе, что гелоты, давно уже волновавшіеся, воспользовались тяжелымъ моментомъ для всеобщаго возстанія. Присутствіе духа сохранилъ, однако, царь Архидамъ, который быстро восстановилъ порядокъ послѣ катастрофы, приказавши дать военный сигналъ и выстроивши спартанцевъ въ боевые ряды. Гелоты надвигались уже большой массой. Для спартанцевъ было крайне важно то, что перїойки остались имъ вѣрны; гелоты были разбиты въ большомъ сраженїи и отступили въ Мессенію въ укрѣпленный лагерь на горѣ Иѣомѣ. Здѣсь успѣхи спартанцевъ остановились; они не умѣли брать укрѣ-

пленій и обратились за помощью къ аэинянамъ, специалистамъ фортификаціи. Кимонъ высказался настойчиво въ смыслъ немедленной поддержки Спарты. «Не надо допускать, чтобы Эллада охромѣла и чтобы Аэины тянули повозку безъ другого коня». Онъ потребовалъ отправки вспомогательнаго отряда въ Мессенію и вызвался быть его предводителемъ. Экспедиція Кимона, однако, кончилась неудачей: спартанцы, недовольные затяжкой въ осадѣ Иэомы, выразили аэинянамъ недовѣріе и отослали ихъ обратно. Это опозореніе аэинянъ повело къ паденію Кимона и крушенію консервативной партіи въ Аэинахъ. Еще въ отсутствіе Кимона была проведена рѣшительная демократическая реформа (въ 462 г.). Когда онъ возвратился въ Аэины, радикальная партія обвинила его въ сочувствіи спартанцамъ и враждѣ къ народу (*ὡς φιλολάκωνα καὶ μισόδημον*)²⁰. Въ большомъ тайномъ голосованіи народное собраніе высказалось противъ Кимона, и онъ ушелъ въ изгнаніе.

Въ борьбѣ за рѣшительную реформу политическаго строя вожди радикальной демократіи сосредоточили свои усилія на разрушеніи твердыни стараго порядка, Ареопага. Политика радикаловъ становится понятной, если имѣть въ виду, что клисѣеновская конституція, по которой Аэины жили съ 506 года, сохранила за Ареопагомъ очень важное положеніе. Система политической жизни была двухпалатной; большое общее народное собраніе, повидимому, созывалось рѣдко; его постоянный малый составъ, въ видѣ совѣта 500, не могъ предложить эклесіи ни одной резолюціи, чтобы не встрѣтиться съ предварительнымъ пересмотромъ дѣла въ верхней палатѣ, представленной старымъ совѣтомъ на холмѣ богинь мести. Опираясь на традиціонный религіозный авторитетъ, Ареопагъ выступалъ часто со своимъ veto. Консерваторы въ немъ прочно утвердились. Ареопагъ составлялся изъ бывшихъ архонтовъ, а такъ какъ до 487 г. въ эту должность выбирались люди видныхъ старинныхъ фамилій, то къ 60-мъ годамъ тамъ были сосредоточены преимущественно элементы стараго аэинства кантональной эпохи, враждебнаго возвышенію «корабельной черни» и вообще новому широкополитическому курсу. Ареопагитскіе старики были убѣждены, что безъ ихъ строгаго надзора въ Аэинахъ наступила бы полная распушенность и разстройство дѣлъ: только имъ вѣдь обязана община своимъ спасеніемъ въ 480 г., во время полнаго разгрома Аэинъ отъ нашествія Ксеркса. Крестьянская Аттика, преобладавшая въ общинѣ отъ Клисѣена до нашествия персовъ, по своему консерватизму и нѣкоторой малоподвижности, вѣроятно, относилась довольно терпимо къ тяжеловатому стариковству Ареопага. Иначе—параличъ, обратившіеся въ морской демосъ, одержавшіе блистательныя побѣды въ борьбѣ со страш-

нымъ иноземнымъ врагомъ и создавшіе послѣ этого могущество великихъ Аѳинъ. Въ ихъ глазахъ старики, выросшіе въ свое время на мелкихъ усобицахъ европейской Греціи, ничего не понимали въ финансахъ, въ новой морской техникѣ, въ организаціи крупныхъ внѣшнихъ предпріятій! Теперь морской демосъ сознавалъ себя настоящимъ рѣшителемъ судебъ государства и не хотѣлъ выносить контроля со стороны учрежденія, члены котораго не подлежали прямому народному избранію. Естественно, что выразители чувствъ новой нетерпѣливой и властной демократіи, радикалы, устремились къ тому, чтобы сбросить соціально-аристократическую сдержку и опеку высоко-консервативнаго учрежденія и провести полное и послѣдовательное верховенство народа въ Аѳинахъ.

УжеThemistokles старался подорвать вліяніеAreopagus. Его рѣчи противъ консервативнаго учрежденія, нерѣдко мѣшавшаго его смѣлымъ новаторскимъ планамъ, вѣроятно, хорошо запомнились въ Аѳинахъ. Потомъ сложилась легенда, что политикъ, спеціальною котораго считалась безконечно изобрѣтательная хитрость, принималъ участіе въ низверженіиAreopagus, подставивъ ловушки слишкомъ довѣрчивымъ старикамъ,—легенда, не имѣющая никакой почвы подъ ногами, такъ какъ въ 462 годуThemistokles, вѣроятно, не было въ живыхъ, не говоря уже о томъ, что съ 471 года онъ не могъ и появиться въ Греціи²¹.

Введеніе демократической конституціи въ Аѳинахъ. Свѣдѣнія наши о реформѣ 462 года очень скудны, и представленіе о ея существѣ скорѣе приходится составлять косвеннымъ путемъ, заключаая по различнымъ мѣропріятіямъ и измѣненіямъ, относящимся приблизительно къ тому же времени. Главный виновникъ реформы, Эфиальтъ началъ нападеніе наAreopagus съ ряда процессовъ противъ отдѣльныхъ ареопагитовъ, которыхъ онъ обвинялъ въ подкупности и утайкѣ государственныхъ денегъ; повидимому, онъ хотѣлъ подорвать нравственный вѣсъAreopagus. Другой предварительной мѣрой было предложеніеПерикла ввести вознагражденіе обыкновеннымъ гражданамъ за участіе въ судѣ въ качествѣ присяжныхъ: оно имѣло цѣлью привлечь сочувствіе массы бѣдныхъ людей, такъ какъ съ отнятіемъ ряда дѣлъ уAreopagus должно было послѣдовать чрезвычайное расширеніе дѣятельности широко-демократическаго народнаго суда.

Сама реформа состояла, повидимому, въ томъ, что народное собраніе отняло уAreopagus рядъ функцій, при посредствѣ которыхъ онъ велъ надзоръ за государственнымъ управленіемъ и наблюдалъ за исполненіемъ законовъ. Въ области уголовного судаAreopagus утратилъ кругъ самыхъ важныхъ дѣлъ, главнымъ образомъ, разбирательство въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ были проступки, касавшіеся всей общины или ея

сановниковъ, гдѣ были противозаконныя дѣйствія должностныхъ или частныхъ лицъ; онъ потерялъ также право налагать наказанія и штрафы противъ нарушителей общественного порядка. Такъ мы заключаемъ изъ того, что все дѣла подобнаго рода появляются въ компетенціи совѣта 500 или новыхъ народныхъ судовъ. Ареопагу оставили лишь религіозныя дѣла, а поэтому также въ его рукахъ остался уголовный процессъ по убійству, которое по-старинному считалось оскорбленіемъ боговъ и вмѣстѣ съ тѣмъ составляло случай произнесенія проклятія или отлученія. Ограниченіе власти Ареопага и сокращеніе его дѣятельности повело непосредственно къ расширенію демократическихъ учреждений. Разбирательство по множеству дѣлъ, которыя вѣдалъ до сихъ поръ Ареопагъ, было поручено комиссіямъ (*δικαστήρια*) присяжныхъ судей; для ихъ заполнения (по жребію) ежегодно составляли обширный списокъ, при чемъ принимали всѣхъ гражданъ не моложе 30 лѣтъ, которые выражали желаніе вступить въ число судей. Общая масса присяжныхъ считалась какъ бы корпораціей гражданства, равной верховному собранію народа, и носила имя, присвоенное общему народному собранію (*ἡλιζία*). Въ то же время послѣ отмены верхней палаты участились большія народныя собранія, и очень расширилась дѣятельность демократическаго совѣта 500.

Реформа 462 года была какъ бы дальнѣйшимъ развитіемъ клисеевскаго устройства, впервые создавшаго совѣтъ 500 въ качествѣ представителя демъ. Теперь совѣтъ делегатовъ отъ демъ, эмаксипированный отъ старой верхней палаты, занялъ центральное мѣсто въ управленіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ политическій строй Аѳинъ отклонился рѣшительно отъ того компромисса между старымъ и новымъ, на которомъ остановился Клисеевъ. Въ послѣдующую пору Клисеево устройство стало уже казаться не демократичнымъ, а лишь «близкимъ къ старинному строю Солона»²². Совѣтъ 500 занялъ теперь иное отношеніе къ еkkлeсiи. Съ одной стороны, рядомъ со своей распорядительной, административной ролью совѣтъ долженъ былъ взять на себя функціи подготовительной комиссіи къ народному собранію, которое стали собирать гораздо чаще. Совѣтъ заготовлялъ къ дебатамъ въ народномъ собраніи обстоятельный проектъ (*προβούλευμα*), похожій на современныя намъ предложенія парламентской комиссіи. Пробулевма не связывала дальнѣйшаго рѣшенія народа; ея параграфы могли быть измѣнены, замѣнены, переставлены; но проектъ совѣта служилъ руководящей основой преній. Иногда еkkлeсiя поручала совѣту составить предварительно направленіе и общіе пункты. Съ другой стороны, за отменной veto Ареопага, совѣтъ 500 становился въ положеніе если не юридической, то фактической сдержки дѣйствій народнаго собранія, ко-

торыя могли быть слишкомъ поспѣшны и внушены извѣстными аффектами. Съ этой поры общенародныя постановленія принимались обыкновенно въ слѣдующей формулѣ: «рѣшилъ совѣтъ и народъ» (ἔδοξε τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ, какъ въ Римѣ *senatus populusque Romanus*).

Если принять во вниманіе всѣ перемѣны, связанныя съ отмѣной власти Ареопага и усиленіемъ народныхъ учреждений, то надо признать, что реформа 462 года представляетъ вступленіе въ жизнь новой чисто-демократической конституціи. Въ Аѣнахъ прочно установился строй, который продержался въ существенныхъ чертахъ около 140 лѣтъ самаго цвѣтущаго времени города (если не считать небольшого перерыва въ 411 году). Враги демократіи заклеили его именемъ охлократіи, разумѣя непосредственное господство толпы. Консерваторы эпохи Аристотеля считали отмѣну верхней палаты въ 462 году грубымъ нарушеніемъ разумныхъ государственныхъ традицій, а въ управленіи Ареопага за послѣднія 17 лѣтъ его существованія (послѣ нашествія Ксеркса) видѣли политическій рай аѣнскаго народа²³; послѣ гибели великаго учрежденія наступила, по ихъ мнѣнію, распущенность и царство произвола. Но съ нашей исторической точки зрѣнія было бы большой ошибкой согласиться съ такимъ сужденіемъ. Аѣнская радикально-демократическая конституція была обставлена чрезвычайно искусно извѣстнаго рода гарантіями, которыя обезпечивали ея прочность и вмѣстѣ служили закономѣрному и правильному теченію дѣлъ. Эта система гарантій допускаетъ сравненіе съ конституціями Новаго времени.

Юридическая охрана аѣнской демократической конституціи. Если мы всмотримся въ строеніе конституціонныхъ и республиканскихъ государствъ, то вездѣ увидимъ, рядомъ съ провозглашеніемъ народнаго верховенства, попытку поставить извѣстныя сдержки или ограниченія высшему рѣшающему органу въ государствѣ. Такой сдержкой по отношенію къ парламенту, представляющему собой народъ, служитъ veto старой королевской власти или «верхней» палаты. Другимъ видомъ сдержки является выдѣленіе извѣстной группы вопросовъ, особенно важныхъ, которые могутъ быть рѣшаемы лишь при опредѣленныхъ условіяхъ, напримѣръ, при наличности значительнаго большинства голосовъ въ верховномъ собраніи. Или составляются «основные законы», систематическая конституція, т. е. предварительное ограниченіе, въ силу котораго извѣстныя учрежденія и законы должны будутъ считаться неприкосновенными или же хотя и подлежащими измѣненію, но только при особенныхъ, трудно достижимыхъ условіяхъ. Всѣ ограниченія такого рода—прежде всего наслѣдіе самихъ старинныхъ учреждений, доля власти, удержанная консервативными силами общества. Съ другой стороны, они появляются въ результатъ желанія организаторовъ

новаго строя укрѣпить только что созданныя учрежденія, устранить возможность скороспѣлыхъ случайныхъ рѣшеній, которыя могли бы опрокинуть основанный ими порядокъ.

Ареопагъ былъ до 462 г. верхней палатой, которая пользовалась правомъ veto въ отношеніи совѣта 500 и народнаго собранія. Съ уничтоженіемъ контроля Ареопага провозглашалось народное верховенство, по-гречески *ισονομία*, или *ισοκρατία*. Мы съ интересомъ спрашиваемъ, въ какой мѣрѣ организаторы полной и послѣдовательной демократіи въ Аѣнахъ обдумали средства къ обезпеченію новаго конституціоннаго порядка, какое они нашли противоядіе опаснымъ политическимъ колебаніямъ?

Въ Аѣнахъ V в. не выработали ни писаной конституціи, ни основныхъ нерушимыхъ законовъ. Тѣмъ не менѣе существовало своеобразное учрежденіе, которое представляло сдержку по отношенію ко всякимъ революціоннымъ попыткамъ (по-гречески *μετερισμός*) или возможности вообще ниспроверженія дѣйствующаго политическаго порядка. Это—*γραφὴ παρανόμων*, процессъ по обвиненію въ противозаконности предложеній, сдѣланныхъ въ народномъ собраніи. Все значеніе этого учрежденія выступаетъ въ переворотѣ 411 г., когда олигархи попытались опрокинуть демократическую конституцію. Ихъ первымъ дѣломъ было отмѣнить графе параномонъ, въ качествѣ главной опоры этой конституціи и препятствія провести государственный переворотъ въ законныхъ формахъ. Мы не имѣемъ извѣстія о томъ, когда установлена была эта форма процесса, но очень правдоподобно, что гарантію въ такомъ видѣ ввели въ связи съ отмѣной veto Ареопага²⁴.

Само учрежденіе состояло въ слѣдующемъ. Всякій гражданинъ могъ послѣ народнаго голосованія или до него сдѣлать заявленіе подъ присягой, что онъ поднимаетъ обвиненіе въ «противозаконности» противъ инициатора законодательнаго предложенія. Это заявленіе имѣло прежде всего тотъ результатъ, что рѣшеніе народа пріостанавливалось впредь до судебнаго приговора. Судъ происходилъ подѣ председательствомъ 6 низшихъ архонтовъ, такъ наз. *вѣсμοетовъ*. Во время преній обвинители имѣли право выяснить вредный, по ихъ мнѣнію, характеръ того народнаго рѣшенія, которое они оспаривали. Но, собственно говоря, формально обвиненіе должно было указать только противорѣчіе между даннымъ законопроектомъ и существующими законами, или же установить, что при проведеніи закона были нарушены тѣ или другія внѣшнія формы. Слѣд., это была настоящая судебная охрана конституціи съ предоставленіемъ обвинительной инициативы частнымъ лицамъ. Графе параномонъ представляло серьезное обвиненіе: обвиняемаго могли осудить на болѣе или менѣе тяжелый штрафъ или приговорить даже къ смерт-

ной казни въ особенно тяжкихъ случаяхъ. Тотъ, кто троекратно подвергался осужденію, утрачивалъ право вносить предложенія въ народное собраніе.

До извѣстной степени въ параллель съ графе параномонъ можно поставить еще одну группу гарантій противъ скороспѣлыхъ рѣшеній. Мы узнаемъ изъ позднѣйшей практики, что подъ страхомъ тяжкихъ наказаній запрещалось предлагать въ народномъ собраніи нѣкоторыя финансовыя мѣры, какъ-то: требовать введенія подоходнаго налога (*εισφορά*) или использованія неприкосновеннаго фонда, лежавшаго въ сокровищницѣ богини Аѣины. Нужно было, чтобы народъ въ особомъ собраніи вотировалъ заранѣе неприкосновенность (*ἄδεια*) тому оратору, который сдѣлаетъ подобное предложеніе. Можно допустить, что подъ такой охраной находились еще нѣсколько государственныхъ учрежденій или обычаевъ. И есть всѣ основанія думать, что практика запретовъ и примѣненія чрезвычайной обстановки при ихъ отмѣнѣ вошла въ жизнь вмѣстѣ съ графе параномонъ, около момента реформы 462 года. Всѣ подобныя мѣры составляли своеобразныя средства обезпеченія прочности новаго демократическаго порядка и законности теченія политической жизни. Хотя въ 462 г. въ Аѣинахъ установилось неограниченное господство народа, однако демократія вовсе не сдѣлалась несдержаннымъ правленіемъ общихъ сходокъ, нерѣдко случайныхъ по своему составу.

Въ системѣ охраны конституціи чувствуется изобрѣтеніе выдающихся политиковъ, тѣмъ болѣе замѣчательное, что греческая жизнь не давала въ этомъ отношеніи никакихъ прецедентовъ, и мы должны именно такими гениальными изобрѣтателями признать организаторовъ радикальной демократіи, Дамона, Эфіальта и Перикла. На ихъ долю слѣдуетъ отнести также постановку контроля должностныхъ лицъ, который такъ характеренъ для аѣинской демократіи. По дѣламъ о нарушеніи законовъ сталъ судить совѣтъ 500. Онъ слѣдилъ за дѣятельностью финансовыхъ чиновниковъ, привлекалъ ихъ къ отвѣту въ случаѣ злоупотребленій и налагалъ наказанія. Всякій гражданинъ могъ внести въ совѣтъ обвиненіе противъ чиновника въ несоблюденіи имъ закона. Совѣтъ принималъ обвиненіе по дѣламъ, въ которыхъ были затронуты интересы казны, гдѣ предполагалось присвоеніе казенныхъ имуществъ, нарушеніе торговыхъ и таможенныхъ постановленій; затѣмъ онъ участвовалъ въ процессѣ по тяжелымъ государственнымъ преступленіямъ (*εισαγγελία*). Наконецъ, совѣтъ 500 производилъ провѣрку, или оцѣнку (*δοκιμασία*) кандидатовъ, указанныхъ выборами. Совѣтъ даннаго года провѣрялъ составъ коллегіи архонтовъ и составъ совѣта будущаго года. Такимъ образомъ онъ имѣлъ большое вліяніе на подборъ своихъ преемниковъ. Другая часть дѣлъ, относившихся къ политическому надзору Ареопага,

отопла къ народнымъ судамъ и къ различнымъ коллегіямъ выборныхъ судей. Таковы были отчеты чиновниковъ, выходившихъ въ отставку, главнымъ образомъ въ отношеніи финансовой стороны администраціи. Провѣрки были обставлены необыкновенно тщательно. Отчеты разсматривались въ теченіе 30 дней особой ревизіонной комиссіей 30 избранныхъ по жребію *λογισταί*. Въ случаѣ, если открывались нарушенія или возникали сомнѣнія, вышедшіе со службы призывались къ отвѣту; тогда противъ нихъ выступали въ качествѣ судебныхъ истцовъ или адвокатовъ также опредѣляемые по жребію *συνήγοροι*. При этомъ представлялось также и частнымъ лицамъ вносить обвиненіе противъ бывшихъ чиновниковъ. При обвиненіи со стороны ли ревизіонеровъ или постороннихъ лицъ дѣло шло на разсмотрѣніе присяжныхъ какой-либо сессіи народнаго суда. Наказаніемъ былъ штрафъ, при утайкѣ или подкупѣ равный десятикратной стоимости той суммы, которая значилась въ обвинительномъ актѣ. Помимо этихъ судебныхъ провѣрокъ, происходилъ еще общій допросъ, такъ наз. *ἔθουα*. Его производили тридцать *ἔθουοι*, которыхъ, по три отъ филы, совѣтъ выбиралъ изъ своей среды, и опять при этомъ частныя лица, отдѣльные граждане могли вносить письменныя жалобы.

Всѣ эти учрежденія, развившіяся послѣ реформы 462 г., показываютъ, въ какой степени элементъ контроля былъ развитъ въ аѳинской политической жизни. Аѳинская демократія не довольствовалась частой смѣной должностныхъ лицъ, избираемыхъ не долге, какъ на одинъ годъ. Она держала ихъ подъ перекрестнымъ огнемъ предварительныхъ провѣрокъ, послѣдующихъ отчетовъ и всегда возможныхъ судебныхъ процессовъ. Все, что было связано со службой государству, составляло порядокъ очень сложный, тонкій, осмотрительно выработанный. Мы уже отмѣтили бурный переменчивый нравъ аѳинскаго народа, создававшій нерѣдко весьма опасныя положенія для политическихъ вождей, и притомъ какъ разъ наиболѣе предприимчивыхъ и выдающихся. Тѣмъ выше придется оцѣнить тѣ конституціонныя ограниченія, которыми обставляла свою дѣятельность та же самая кипучая демократія, ту дисциплину ежедневной политической жизни, которую старался проводить нервный безпокойный аѳинскій демосъ.

Соціальная сторона демократической реформы. Реформа 462 г. была подготовлена установленіемъ платы за участіе въ судѣ въ видѣ суточныхъ денегъ присяжнымъ. Въ то же время реформа передавала множество дѣлъ въ руки народныхъ судовъ, и количество лицъ, привлекаемыхъ въ качествѣ присяжныхъ, должно было чрезвычайно увеличиться. Въ эпоху развитія морской державы Аѳины, когда въ главномъ городѣ разбиралось множество процессовъ по дѣламъ союзниковъ, въ

спискѣ присяжныхъ насчитывали до 6000 гражданъ. Содержаніе, получаемое гражданами за участіе въ судебныхъ сессіяхъ, было началомъ цѣлой системы уплатъ и выдачъ изъ казны, развившихся въ эпоху управленія Перикла.

Мѣра, принятая Перикломъ въ 462 г., была рассчитана на привлеченіе массы малодостаточныхъ гражданъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что суточные деньги за участіе въ судѣ были очень незначительны, всего два оболы; лишь во время большой Пелопоннеской войны выдачи были увеличены еще на одинъ оболъ. Этого судебного жалованья (*μισθός δικαστικός*) едва хватало на дневное прокормленіе. Суточные, выдаваемые изъ казны, были ниже обычнаго заработка ремесленника (напр., вдвое ниже выручки каменщика); она была также значительно ниже дневной оплаты военной службы въ арміи и во флотѣ. Крестьянину она далеко не могла возмѣстить потери рабочаго дня; притомъ крестьянамъ отдаленныхъ округовъ приходилось еще неизбѣжно терять изъ-за однодневной судебной сессіи двое, трое сутокъ. Отсюда получилось важное фактическое ограниченіе въ составѣ присяжныхъ. Къ записи въ число судей тѣснились большею частью бѣдные граждане главнаго города и близкаго къ Аѣинамъ Пирейскаго порта, у которыхъ заработки были незначительны и которые, живя на мѣстѣ, не теряли времени на передвиженія. При такихъ условіяхъ для нихъ судебная плата могла служить приманкой, тѣмъ болѣе, что занятіе было не обременительно и интересно. Люди съ извѣстнымъ достаткомъ «изъ приличнаго общества», какъ говорили враги демократіи, напротивъ, большею частью чуждались участія въ судахъ. Поэтому въ результатѣ судебной реформы получился новый демократическій приливъ, еще большее участіе низшаго класса въ политической жизни. И въ то же время перевѣсъ въ активной политикѣ сталъ еще болѣе склоняться къ городскому населенію, хотя численное преобладаніе въ общинѣ продолжало оставаться за деревней.

Судебныя деньги были началомъ цѣлой системы выдачъ. Периклу же приписывали въ качествѣ агитаціонной мѣры противъ Ареопага введеніе театральнаго пайка (*θεορικά*), который долженъ былъ дать бѣднымъ возможность отдохнуть и развлечься въ праздники. Сначала давали теорикъ въ размѣрѣ драхмы лишь на три дня праздника Діонисій, когда давались трагедіи. Потомъ стали платить теорикъ ко всѣмъ большимъ празднествамъ. Затѣмъ были введены суточные деньги булевтамъ (*μισθός βουλευτικός*), т.-е. членамъ совѣта Пятисотъ, который, въ качествѣ важнѣйшаго центральнаго органа въ разросшейся аѣинской державѣ, сталъ сходитьса гораздо чаще въ своемъ полномъ составѣ. Эта выдача стала необходимостью со времени замѣны прямого избранія булевтовъ по филамъ ихъ отборомъ по жребію изъ большаго списка

желающих. Опять, какъ въ составѣ присяжныхъ, и здѣсь нужно было обезпечить доступъ людямъ недостаточнымъ, чтобы сдѣлать учрежденіе вполнѣ демократическимъ. На жалованіе перешли по большей части и административныя должности, между прочимъ архонтство. Къ выдачамъ изъ казны надо присоединить жалованье, которое платили служащимъ въ арміи и во флотѣ. Уже съ самаго основанія союза, когда открылись крупныя и сложныя морскія операціи, надолго отвлекавшія гошпитовъ и моряковъ отъ дома, была введена продовольственная плата для солдатъ. Но помимо того, государство брало на себя вооруженіе извѣстной части воиновъ, а затѣмъ и прямой наемъ на службу большого числа гражданъ. Плутархъ передаетъ, что въ управленіе Перикла ежегодно выпускали въ море флотилію въ 60 триеръ (съ экипажемъ приблизительно въ 12.000 человекъ); она исполняла сторожевую службу, и въ то же время занятые въ ней граждане упражнялись въ морскомъ дѣлѣ; въ теченіе 8 мѣсяцевъ плаванія они получали жалованье, считаясь наймитами (*ἐμισθοι*). Надо полагать, что и на эту наемную службу преимущественно шли люди малодостаточные.

Въ этой связи становится понятно извѣстіе Аристотеля, помѣщенное подь 457 годомъ, а именно, что впервые архонтомъ былъ выбранъ зевгитъ, т.-е. человекъ одного изъ низшихъ имущественныхъ разрядовъ²⁵. Это допущеніе не было результатомъ новой реформы. Никакого закона о пониженіи ценза въ Аѣнахъ не принимали. Но фактически низшіе классы были до сихъ поръ выключены отъ занятія должностей. Уплаты и выдачи уравнивали для гражданъ разнаго достатка возможность участвовать въ администраціи. Надо замѣтить впрочемъ, что должность архонта въ эту пору утратила реальное политическое значеніе. О занятіи же важной должности стратеговъ простолюдинами мы ничего не слышимъ. Напротивъ, вотъ что говоритъ авторъ брошюры, вышедшей въ 425 г. и приписанной ложно Ксенофону (Псевдоксенофоновой Аѣнской Политіи)²⁶. «При нынѣшнихъ обстоятельствахъ представляется справедливымъ, чтобы всѣ одинаково могли занимать должности, замѣщаемыя жребіемъ или открытыми выборами, а также чтобы всѣмъ и каждому изъ гражданъ была предоставлена свобода слова. (Однако мы видимъ, что) масса народа вовсе не желаетъ занимать тѣ должности, которыя могутъ принести народу спасеніе, если онѣ въ хорошихъ рукахъ, и опасность, если онѣ въ дурныхъ: такъ, народъ не примѣняетъ жребія къ должностямъ стратеговъ и начальниковъ конницы и этимъ устраняетъ себя отъ ихъ занятія; народъ вѣдь очень хорошо понимаетъ, что ему гораздо больше пользы не занимать этихъ должностей, а предоставлять ихъ крупнымъ лицамъ. Народъ ищетъ только тѣхъ мѣстъ, которыя приносятъ жалованіе и даютъ доходъ въ хозяйство».

Это замѣчательное мѣсто изъ описанія, составленнаго современнымъ наблюдателемъ, вообще необыкновенно острымъ и оригинальнымъ, показываетъ, что въ Аѣнахъ V вѣка, демократія была полной и послѣдовательной лишь въ принципѣ, но не на практикѣ. Напротивъ, самыя отвѣтственныя должности, которыя требовали таланта и спеціальной подготовки, предоставлялись очень небольшому числу опредѣленныхъ лицъ, выдававшихся своимъ влїяніемъ, вѣроятно, и своимъ богатствомъ, и хорошо извѣстныхъ народу. Можно говорить о настоящемъ политическомъ *нобилитетѣ* въ Аѣнахъ. По сравненію съ римскимъ нобилитетомъ аѣнскій былъ не такъ многочисленъ и свободнѣе поставленъ: въ Аѣнахъ не было ограниченія относительно переизбираемости, напр., на должность стратега, одно и то же лицо могло быть избираемо на ту же должность въ теченіе многихъ лѣтъ, какъ показываетъ примѣръ Кимона (во время его походовъ 468—464 г.), Перикла (особенно съ 446 по 430 г.) и Алкивиада (въ 410—07 гг.).

Оцѣнка демократической конституціи у современниковъ. Сказанное только что нисколько не умаляетъ огромнаго значенія демократическаго переворота 462 года. Современники видѣли въ этихъ событіяхъ рѣшительное выступленіе на политическую сцену плебейства. Консервативные слои по всей Греціи были охвачены негодованіемъ, которое нѣсколько напоминаетъ возмущеніе бароновъ и высшаго клира XII вѣка по Р. Х. въ виду возвышенія коммунъ. Новизна и «возмутительность» явленія, раздраженіе аристократіи, вызванное наплывомъ мѣщанства, чувствуются еще очень сильно у анонимнаго автора Псевдоксенофоновой Политіи. Народъ, по его словамъ, отлично понималъ выгоды своего положенія. На казенный счетъ онъ выстроилъ бани, гимнастическіе дома и т. д. гораздо лучшіе, чѣмъ могутъ себѣ завести богатые люди на свои частныя средства, но пользуется этими великолѣпными учрежденіями гораздо больше черныя людъ (*ἄχλος*), чѣмъ немногія лица порядочнаго общества (*οἱ ὀλίγοι ἢ οἱ εὐδαίμονες*). А вотъ соображенія автора, отражающія чувства «порядочныхъ людей» (*βέλτιστοι*), отгнѣсенныхъ отъ дѣлъ и лишенныхъ влїянія въ демократизованномъ государствѣ. Во всемъ свѣтѣ лучшіе элементы враждебны демократіи; насколько они сдержанны, справедливы и добросовѣстны, настолько народъ полонъ невѣжества, необузданъ, низокъ. Бѣдность—школа порока, и отъ недостатка средствъ большинство пребываетъ въ грубости и темнотѣ. Нечего и пробовать дѣльному и порядочному человѣку выступать съ рѣчами и совѣтами передъ народомъ. У демоса своего рода круговая порука; бѣдность и простолюдины слушаютъ только своихъ ровней или людей, которые говорятъ въ ихъ духѣ. Народъ вовсе не хочетъ быть въ подчиненіи среди благоустроеннаго государства, онъ хочетъ свободы и власти.

Нѣтъ никакой возможности примиренія лучшихъ элементовъ общества съ господствующей толпой. Надо разъ навсегда отказаться отъ надежды на соглашеніе. «Всѣ законы, которые кажутся вамъ дурными, именно и составляютъ силу и свободу демоса; если бы вы захотѣли ввести хорошіе законы, вамъ надо было бы доставить правленіе въ руки лучшихъ, а демосъ принизить и запугать».

Признанія анонимнаго автора аристократической брошюры особенно цѣнны потому, что они высказаны откровенно, безъ всякихъ умолчаній и смягченій. Мы видимъ достаточно ясно, какъ ожесточилась побѣжденная въ 462 г. партія, которая вмѣстѣ съ тѣмъ представляла высшіе общественные слои. Это ожесточеніе выразилось въ такихъ актахъ личнаго мщенія, какъ убійство изъ-за угла Эфіальта, и еще болѣе въ томъ, что консерваторы готовы были на измѣну родному городу, на выдачу своихъ политическихъ противниковъ внѣшнему врагу, какъ это видно во время столкновенія со спартанцами въ 457 г.

Если мы очень отчетливо можемъ представить себѣ идеологію консервативныхъ слоевъ общества, то не менѣе ясно рисуются намъ программныя рѣчи представителей радикальной демократіи. Партія, во главѣ которой шли Эфіальтъ и Перикль, выставила формулу, которая звучала для своего времени, вѣроятно въ родѣ *liberté égalité fraternité* великой французской революціи: это—слова *ἰσωνομία ἰσχυροῖα ἰσοκρατία*, равенство передъ закономъ, свобода слова для всѣхъ, равное участіе всѣхъ въ политической жизни. Великій поклонникъ демократическихъ Аѳинъ, Геродотъ въ своемъ горячемъ панегирикѣ народоправству считаетъ равенство правъ и свободу рѣчи высшимъ политическимъ благомъ и самый звукъ слова *ἰσωνομία* ласкающимъ ухо. «Господство народной массы (*πλῆθος ἄρχον*) уже тѣмъ хорошо, что носить возвышенное названіе равноправности. Въ демократіи должности распределяются по жребію, носители ихъ подлежатъ отвѣтственности, и всѣ рѣшенія зависятъ отъ общей воли (*τὸ κοινόν*). Масса народа составляетъ одно цѣлое, которое все собой охватываетъ» 27.

Фукидидъ влагаетъ въ уста Перикла подробное развитіе той же формулы. Нашъ строй, говоритъ ораторъ народу, стоитъ названія демократіи, потому что управленіе отдано не въ руки меньшинства, а массы (*ἔς πλείονας*). По законамъ въ отношеніи общегражданскихъ интересовъ всѣ имѣютъ одинаковыя права, что же касается степени вліянія и значенія въ государствѣ, то каждый можетъ быть призванъ къ политической дѣятельности по своимъ дарованіямъ; важно не то, чтобы онъ принадлежалъ къ извѣстному классу (*μέρος*), а именно то, чтобы онъ выдѣлялся личными достоинствами; если же бѣдный человѣкъ способенъ оказать услугу государству, ему нисколько не помѣшаетъ низкое обще-

ственное положеніе»²⁸. Эта рѣчь Перикла, отнесенная у Фукидида къ 431 году, не составляетъ цѣликомъ композиціи историка, онъ могъ слышать оратора и замѣтить подлинныя выраженія. Фукидидъ, передавая ее, хотѣлъ привести характеристику уже совершившагося факта, равноправія, установленнаго закономъ и обычаемъ. Мы могли бы попытаться перевести торжественныя формулы стараго министра и парламентскаго лидера на болѣе бурный языкъ еще не исполненныхъ желаній и представить ихъ себѣ въ видѣ программы требованій 70-хъ и 60-хъ годовъ того же вѣка; тогда мы получили бы нѣчто похожее на агитаціонныя рѣчиThemistocles, Эфиалта и самого Перикла въ его молодые годы. Они приблизительно говорили такъ: долой преимущества рожденія и социальнаго положенія; откройте дорогу всѣмъ талантамъ; дайте возможность всякому сказать свое слово въ политикѣ. Въ общемъ дѣлѣ простой и бѣдный человекъ можетъ быть также полезенъ своимъ мнѣніемъ и работой, какъ и высокорожденный. Равенство лежитъ въ природѣ человѣческихъ отношеній; разъ весь народъ призванъ къ власти, не должно быть никакихъ перегородокъ; пусть слово «самодержавіе народа» будетъ и дѣломъ.

Внѣшняя политика радикальной демократіи. Одновременно съ осуществленіемъ крупныхъ демократическихъ реформъ радикальная партія повела крайне энергичную внѣшнюю политику, которую можно было бы назвать имперіалистической: дѣло шло о расширеніи морского могущества, о завоеваніяхъ на счетъ персидскаго государства и въ то же время о соединеніи всей Греціи подъ верховенствомъ Аѳинъ. Никогда, ни раньше, ни послѣ аѳинская политика не отличалась такой широтой размаха, какъ въ десятилѣтіе, слѣдующее за торжествомъ демократіи, т.-е. въ 50-хъ годахъ V вѣка. Военственность радикальной демократіи объясняется ея происхожденіемъ и ея составомъ. Партія, достигшая торжества въ 462 году, соединила элементы паралии, которые въ свое время пытались организовать Писистратъ и Themistocles. Съ образованіемъ аѳинской державы количество людей, жившихъ интересами моря, крайне возросло, составило точно цѣлый городъ, вновь созданный войной. Въ его средѣ не трудно различить два слоя: высшій, какъ бы штабъ арміи, заключавшій въ себѣ торговыхъ предпринимателей, судовладельцевъ, кораблестроителей, и низшій, собственно массу рядовыхъ моряковъ, заполнявшихъ Пирей, гребцовъ и лоцмановъ, рабочихъ на верфяхъ, носильщиковъ на докахъ и т. д., по аѳинской терминологіи, оетовъ. Тѣ и другіе, каждый классъ по-своему, были заинтересованы въ дальнѣйшихъ завоеваніяхъ, тѣ и другіе все больше разгорались жаждой добычи: для вождей коммерческаго и морского дѣла открывались новые рынки, новыя торговыя станціи, для рядового мелкаго

гражданства—выгодная служба въ походѣ и, при удачѣ предиріятія, хорошая доля въ военныхъ трофеяхъ.

Вовсе не надо думать, что аѳинскіе богачи, обложенные повинностью триерархій, т.-е. постройки и снаряженія кораблей, попали въ какое-то рабство къ демократической массѣ; вѣдь эти триерархи становились потомъ капитанами кораблей и командовали набраннымъ собственными усиліями экипажемъ; можно думать, что они и были главными предпринимателями, выѣзжавшими на манеръ старинныхъ гомеровскихъ вождей лично въ военно-торговую поѣздку; свои траты на снаряженіе выѣзда они съ лихвой покрывали приобрѣтеніемъ цѣнностей на войнѣ, затѣмъ перевозомъ товарныхъ грузовъ или платой за военную охрану транспорта, а часто также установленіемъ прочныхъ торговыхъ связей съ мѣстами своихъ стоянокъ. Что же касается массы воинства, его выгоды ярко освѣщаются слѣдующимъ анекдотомъ, который передаетъ историкъ-мемуаристъ Іонъ изъ Хиоса ²⁹. Въ молодости своей ему выпало счастье обѣдать вмѣстѣ съ знаменитымъ командиромъ Кимонъ. Когда за столомъ у собесѣдниковъ развязались языки, всѣ стали просить Кимона рассказать о такомъ дѣлѣ, которое онъ самъ считаетъ самой искусной и удачной изъ своихъ выдумокъ, и онъ рассказалъ слѣдующее. Подъ Сестомъ и Византіей было взято много персидскихъ плѣнниковъ; Кимонъ велѣлъ имъ снять свои дорогія платья и украшенія и предложилъ союзникамъ выбрать изъ двухъ частей добычи ту, которая имъ больше нравится: цѣнности или самихъ плѣнниковъ, людей. Союзники безъ колебаній выбрали цѣнности, предоставляя аѳинянамъ голыхъ людей. Сначала надъ простотой Кимона вздумали смѣяться, но скоро изъ сосѣднихъ съ берегомъ областей Фригіи и Лидіи появились родственники и друзья плѣнниковъ и предложили за нихъ выкупныя суммы по усмотрѣнію побѣдителя. Въ результатѣ у Кимона оказались въ рукахъ средства, чтобы содержать свой флотъ въ теченіе 4 мѣсяцевъ, да еще не мало онъ привезъ золота въ аѳинскую казну.

Можно себѣ представить, сколько у Кимона было завистниковъ и подражателей среди аѳинскихъ стратеговъ, и сколько возникало новыхъ проектовъ дальнѣйшихъ завоеваній по всему громадному протяженію берега, находившагося въ обладаніи персовъ и въ предѣлахъ досягаемости для аѳинскихъ триеръ. Теперь, когда создалась большая державная система, казалось, она уже не можетъ оставаться спокойной, а требуетъ примѣненія все въ большихъ и большихъ размѣрахъ. Отсюда непрерывная и неутолимая воинственность Аѳинъ въ пору господства радикальной демократіи. Сравнительно съ предшествующей эпохой она внесла новую цѣль: не покидая борьбы на востокъ, обратить оружіе противъ общинъ европейской Греціи, частью тѣни ихъ, частью за-

ставляя вступать въ союзъ съ Аѳинами съ тѣмъ, чтобы въ конечномъ результатѣ забрать въ греческомъ мірѣ торговую и финансовую монополію.

Усиленіе аѳинской державы. Аѳинская демократія начала съ рѣзкаго нарушенія той системы международнаго права греческихъ общинъ, которая опиралась на отношенія эпохи національной войны и была, такъ сказать, освящена ея славными традиціями: пользуясь затрудненіями спартацевъ, занятыхъ подавленіемъ мессенскаго возстанія, Аѳины объявили разрывъ союза, заключеннаго за 20 лѣтъ до того противъ національнаго врага, и вошли въ договоръ съ противниками Спарты, Аргосомъ и Фессаліей, которые въ 480 году стояли въ рядахъ «мидизирующихъ» непатріотическихъ общинъ. Между тѣмъ гелоты капитулировали (въ 459 г.). Спартацы позволили возстанцамъ уйти съ семьями на томъ условіи, что они никогда не будутъ селиться въ Пелопоннесѣ. Аѳиняне извлекли выгоду изъ эмиграціи мессенцевъ. Они поселили изгнанниковъ въ Навпактъ, приморскомъ городѣ, лежащемъ на границѣ Этоліи и Локриды въ самомъ узкомъ мѣстѣ проѣзда къ Коринѣскому заливу. Навпактъ далъ аѳинянамъ ключъ господства надъ заливомъ; они могли теперь серьезно угрожать торговлѣ Коринѣа. Еще тяжелѣе для Коринѣа былъ другой ударъ. Коринѣе тѣснилъ Мегару, и такъ какъ Мегара не получала помощи отъ Спарты, то она вышла изъ пелопоннесскаго союза и примкнула къ Аѳинамъ. Тотчасъ же аѳиняне заняли Мегару и ея гавань Пегі у Коринѣскаго залива. Для облегченія сношеній Мегары съ моремъ они выстроили Длинные стѣны на соединеніе города съ гаванью. Такимъ образомъ, они придвинули свою власть къ самымъ границамъ Коринѣа и угрожали всей западной торговлѣ Коринѣа. А въ то же время занятіемъ Мегары аѳиняне перегородили пелопоннесцамъ путь черезъ Истмъ и сношенія со Средней Греціей. Для Коринѣа положеніе было нестерпимо, и торговый городъ пустилъ въ ходъ всѣ средства, чтобы побудить Спарту и пелопоннесскій союзъ къ войнѣ съ Аѳинами. Несмотря на неминуемое столкновеніе въ самой Греціи, аѳиняне рѣшились на очень крупную, отдаленную экспедицію, которая должна была отвлечь ихъ силы.

Весь Египетъ отпалъ въ это время отъ персидскаго царя. Возстаніе было вызвано жестокимъ вымогательствомъ персовъ, обременившихъ богатую страну тяжелыми налогами. Египтяне признали царемъ своимъ ливійца Инара, который наwerbовалъ наемниковъ и обратился за помощью къ Аѳинамъ. Незадолго до того большой флотъ изъ 200 аѳинскихъ и союзническихъ тріеръ направился къ Кипру. Предложеніе египтянъ казалось въ высшей степени заманчивымъ. Съ отпаденіемъ Египта отъ персовъ аѳинская торговля могла ожидать господства для

себя на новомъ рынкѣ, при полномъ вытѣсненіи своихъ конкурентовъ, финикіянь. Съ другой стороны, Египеть представлялъ интересъ, какъ богатѣйшая хлѣбная житница. Наконецъ, Египеть былъ важенъ въ качествѣ опорнаго пункта для дальнѣйшей борьбы съ персами. Аѳиняне не поколебались отправить весь флотъ, стоявшій у Кипра, въ Египеть. Ко времени его прибытія Инаръ одержалъ блестящую побѣду при Папремисѣ надъ сухопутнымъ войскомъ персовъ и умертвилъ ихъ предводителя Ахемена, дядю царя Артаксеркса. Аѳинскій флотъ, находившійся подъ предводительствомъ Хармантида, вѣхалъ въ Нильскіе рукава, разгромилъ большую часть персидской эскадры и присоединился къ египтянамъ, осаждавшимъ Мемфисъ, гдѣ заперлись персы. Взять Мемфисъ, однако, союзники не могли, и война затянулась.

Между тѣмъ, пелопоннесцы открыли военныя дѣйствія противъ Аѳинъ въ самой Греціи (войну 459—446 гг. называютъ иногда *первой пелопоннеской*). Несмотря на то, что лучшія силы аѳинянь были отвлечены въ Египеть, они вездѣ имѣли успѣхъ: сначала разбили флотъ коринѳянь и эпидаврійцевъ, затѣмъ уничтожили всю эскадру Эгины, своей давнишней соперницы, и осадили самый городъ Эгину. Далѣе въ Аѳинахъ вооружили самыхъ молодыхъ и самыхъ старыхъ поколѣнія гоплитовъ, и это ополченіе подъ начальствомъ Миронида разбило коринѳянь, вторгнувшихся въ Мегару на сушѣ. Одновременно аѳиняне успѣли принять оборонительную мѣру большой важности: они спѣшно достроили Длинные стѣны на соединеніе Аѳинъ съ морскимъ берегомъ въ видѣ большой неприступной крѣпости. Раньше уже были проведены двѣ стѣны, одна отъ Аѳинъ къ Пирею, другая отъ Аѳинъ къ старой гавани Фалеру; но въ этой трапеціи былъ слабый пунктъ, именно незащищенный открытый берегъ между Пиреемъ и Фалеромъ; теперь въ качествѣ необходимаго восполненія укрѣпленій провели третью стѣну, которая шла близко къ западному пирейскому колѣну и должна была охранять дорогу къ порту на всемъ ея протяженіи. Сооруженіе преслѣдовало, кромѣ стратегической, еще и политическую цѣль: аѳинскимъ радикаламъ нужно было поддерживать непрерывное общеніе съ главной опорой своей, морской демократіей, сосредоточенной въ Пирей.

Успѣхи аѳинянь заставили, наконецъ, выступить Спарту. Большое войско подъ начальствомъ спартанскаго регента Никомеда переправилось черезъ Коринѳскій заливъ въ Среднюю Грецію. Аѳиняне загородили ему обратный путь, выславши въ Коринѳскій заливъ эскадру и укрѣпивъ высоты, господствующія надъ проходами черезъ Мегару. Тогда спартацы рѣшили выждать время въ Беотіи. Они использовали свое пребываніе здѣсь для политическаго шага большой важности: подъ ихъ давленіемъ беотійскіе города должны были признать верховенство

Фивъ. Такимъ образомъ, Спарта въ свою очередь нарушила патриотическія традиціи національной войны, сблизившись съ «измѣннической» еиванской общиной. Фукидидъ добавляетъ, что спартацы разсчитывали на группу людей въ Аѣинахъ, которые «готовы были соединиться съ врагомъ, чтобы опрокинуть демократію и помѣшать сооруженію Длинныхъ стѣнъ»³⁰. Это извѣстіе вскрываетъ намъ самое слабое мѣсто тогдашняго положенія Аѣинъ. Консерваторы, побѣжденные въ 462 г., изъ ненависти къ демократіи готовы были на предательство. Въ Аѣинахъ ихъ намѣренія вызвали большую панику, тѣмъ болѣе, что спартанское войско остановилось лагеремъ въ Танагрѣ, на разстояніи всего только одного дня пути отъ Аѣинъ. Чтобы предотвратить соединеніе измѣннической группы съ врагомъ, аѣиняне спѣшно двинули все свое ополченіе вмѣстѣ съ вспомогательными отрядами аргивянъ и ессалійцевъ навстрѣчу спартацамъ. Недовѣріе къ консерваторамъ было такъ велико, что когда появился Кимонъ, считавшійся въ политическомъ изгнаніи, ему не позволили стать въ ряды своей филы.

Битва при Танагрѣ (457 г.)—одно изъ крупнѣйшихъ и упорнѣйшихъ сраженій греческой исторіи. Спартацы выиграли его, отчасти благодаря измѣнѣ ессалійской конницы, но понесли такія большія потери, что не рѣшились напасть на Аѣины, а спѣшно ушли черезъ Истмъ домой. Аѣины находились, однако, въ тяжеломъ положеніи, особенно въ виду вновь созданной спартацами еиванской гегемоніи надъ Беотіей. Произошло примиреніе партій; по предложенію Перикла, Кимона вернули изъ изгнанія и тотчасъ же, въ качествѣ друга спартацевъ, его отправили въ Спарту для заключенія перемирія. Перемиріе состоялось лишь на срокъ 4 мѣсяцевъ; но аѣиняне воспользовались этимъ временемъ, чтобы разстроить еиванскую гегемонію. Аѣинское ополченіе подъ начальствомъ Миронида разбило беотійцевъ при Энофитахъ. Аѣиняне разрушили стѣны Танагры, ближайшаго къ Атикѣ города, и подчинили себѣ большую часть беотійской территоріи, кромѣ Фивъ. Столь рѣшительный и быстрый разгромъ одной изъ самыхъ населенныхъ греческихъ областей можетъ быть объясненъ только крайней неорганизованностью Беотіи.

Беотія до середины V вѣка³¹. Косность и малоразвитость беотійцевъ вошла у грековъ въ поговорку. Между прочимъ. Беотія была классической страной культа могилъ и почитанія останковъ героевъ и святыхъ. Отсталость страны объясняется ея положеніемъ. Не обладая морскими выѣздами, загороженная отъ моря другими, болѣе предприимчивыми общинами, Беотія представляла сходство съ Аркадіей. Но, благодаря своимъ равнинамъ, Беотія была несравненно богаче и населеннѣе, чѣмъ горные кантоны Аркадіи; это страна тучныхъ нивъ и обиль-

ныхъ виноградниковъ. Въ старину Беотія обладала, можетъ быть, еще болѣе богатой культурой: около Орхомена, который считался столицей легендарныхъ мишійцевъ, населенія догреческой поры, найдены слѣды канализаціонной сѣти; она, вѣроятно, служила осушенію болотъ, получавшихся отъ скопленія воды въ естественной котловинѣ сѣверо-западной Беотіи, а съ другой стороны—поддержанію системы искусственнаго орошенія. Позднѣйшіе поселенцы, т.-е. историческіе беотійцы, повидимому, утратили тайну древней техники и не умѣли воспользоваться внутреннимъ бассейномъ для дренажа; они запустили опять болото, которое и образовало большое Копайдское озеро. Впрочемъ, и при новыхъ пріемахъ земледѣлія, болѣе пассивныхъ, чѣмъ была работа старины, беотійцы жили недурно, въ большинствѣ составляя классъ среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, тотъ самый классъ, отъ имени котораго говорить Гесіодъ.

Вслѣдствіе этого Беотія дожила до греко-персидскихъ войнъ въ быту весьма архаичномъ. Во главѣ общинъ остались крупныя фамиліи коневодовъ, выдвинувшіяся своимъ блескомъ въ давнія гомеровскія времена: на праздникъ Памбеотій они открывали по-старинному состязанія всадниковъ. Эта аристократія, или, по выраженію Фукидида, «династіи» (т.-е. могущественныя фамиліи), была особенно сильна въ самыхъ крупныхъ пунктахъ Беотіи, въ Фивахъ, Теспіяхъ, Орхоменѣ. Города эти совсѣмъ не похожи на Коринѣ, Милеть или даже Аѣны; это были соединенные замки потомковъ гомеровскаго рыцарства. Господствующій слой не давалъ хода тому многочисленному классу беотійскихъ земледѣльцевъ, которыхъ можно поставить наравнѣ съ геоморами Аттики; вслѣдствіе этого Беотія далеко не успѣла добратся до строя, который въ Аѣнахъ восторжествовалъ уже при Клеоменѣ; и во время нашествія персовъ въ 480 г., и еще ко времени первой пелопоннеской войны въ странѣ были порядки, которыхъ Атика держалась во времена досолоновскія. На круговой поруку «династій» отдѣльныхъ городовъ основывался старый малосильный беотійскій союзъ; его слабѣйшей стороной было военное устройство: вѣроятно, не существовало точныхъ и строго соблюдаемыхъ обязательствъ поставки военныхъ континентовъ отъ отдѣльныхъ общинъ. Оттого старое беотійское ополченіе, плохо сплоченное и мало упражняемое въ совмѣстныхъ маневрахъ, постоянно терпѣть пораженіе отъ аѣнцевъ вплоть до своей реформы, когда наступаетъ обратное явленіе (объ этомъ немного ниже).

Лишенная вліянія въ Греціи, Беотія была еще болѣе принижена, когда, съ приближеніемъ персовъ, правящій слой ея общинъ; и особенно фиванская аристократія ударилась въ «мидизмъ». Измѣна на-

ціональному дѣлу имѣла еще то невыгодное послѣдствіе, что побѣдители-греки, сражавшіеся за независимость, стали распоряжаться въ Беотіи, какъ въ странѣ завоеванной: своими рѣшеніями, принятыми въ Платеяхъ, возвеличеніемъ самихъ героическихъ платейцевъ Павсаній какъ бы закрѣпилъ ихъ отдѣленіе отъ Беотіи и, такимъ образомъ, помогъ раздробленію страны. Спартанцы потомъ скоро должны были сообразить, что политика національно-патріотическаго направленія, проводимая ими въ Беотіи, крайне невыгодна для нихъ самихъ: она толкнула Платей на союзъ съ Аѣнами и тѣмъ самымъ отрѣзала Беотію отъ пути къ Истму, а, слѣд., Спарта лишилась свободнаго сообщенія со Средней Греціей и важной опоры нѣ сѣверѣ по ту сторону перешейка. Въ 457 году спартанцы попытались поправить положеніе и создать въ лицѣ Оивъ противодѣйствіе Аѣинамъ. Но для усиленія Оивъ, какъ городского центра, не было подходящихъ условій. Аѣиняне быстро уничтожили только что слаженную спартанцами новую организацію Беотіи и принесли свою систему, продиктованную цѣлями радикальной демократіи и основанную на принципахъ ихъ общей державной политики. Они стали выдвигать демось, мелкій людъ въ городахъ, такъ же, какъ они дѣлали это въ союзныхъ общинахъ; съ другой стороны, они заботились о поддержаніи раздробленности въ странѣ и ради этого содѣйствовали сепаратизму мелкихъ общинъ противъ централизма большихъ. Такъ же, какъ въ предѣлахъ своей морской державы, они требовали отъ беотійцевъ поставки военныхъ отрядовъ для различныхъ своихъ предпріятій, хотя бы ведомыхъ и вѣ европейской Греціи.

Побѣда надъ беотійцами необычайно усилила положеніе аѣинянъ въ Средней Греціи; сосѣдняя съ Беотіей Фокида и сѣверная Локрида должны были войти въ союзъ съ Аѣинами. Въ то же время пала Эгина; побѣжденная община обязалась разрушить стѣны, выдать военные корабли и платить дань. Аѣиняне не только вернули себѣ положеніе, которое они занимали до битвы при Танагрѣ, но они рѣшились теперь перенести свои операціи въ Пелопоннесъ; съ Эгины они передвинули свои силы въ Арголиду и заняли городъ Трѣзень. Аѣинскій флотъ подъ начальствомъ Толмида вошелъ въ лаконскій заливъ, напалъ на спартанскую гавань Гиѣей и сжегъ здѣсь корабельныя верфи. Продолжая набѣгъ, Толмидъ обогнулъ Пелопоннесъ, вступилъ въ Коринескій заливъ и сдѣлалъ попытку захватить Сикіонъ (455 г.).

Египетская катастрофа и ея слѣдствія. На этомъ остановились успѣхи аѣинянъ, такъ какъ послѣдовала гибель ихъ флота и войска въ Египтѣ. Персидскій царь собралъ большую армію въ Сиріи и двинулъ ее къ низовьямъ Нила; въ то же время эскадра финикійскихъ и киликійскихъ триеръ появилась съ моря. Аѣинское войско, опериро-

вавшее вмѣстѣ съ мятежными египтянами около Мемфиса, было разбито, флотъ аонянъ персы загнали въ каналъ около острова Просопитиды, образованнаго рукавами Нила. Послѣ полугодовой осады персы отвели воду изъ канала, и аонскіе корабли очутились на сушѣ. Уцѣлѣвшая часть большой экспедиціонной арміи аонянъ сдалась врагу. Въ Афинахъ ничего не знали о разыгравшихся событіяхъ, и уже послѣ капитуляціи въ Просопитидѣ, въ низовьяхъ Нила появилась вспомогательная эскадра, которая также была немедленно уничтожена персами и финикійцами. Въ общемъ аоняне потеряли въ Египтѣ болѣе 200 тріеръ и около 35.000 солдатъ, преимущественно контингенты союзническихъ городовъ. Египетская катастрофа 454 года была страшнымъ ударомъ для аонской державы. Второе пораженіе такой же силы, гибель сицилійской экспедиціи въ 413 году, послужило къ окончательному паденію аонскаго морскаго государства. Объ египетскомъ походѣ у насъ нѣтъ такого подробнаго и драматичнаго разсказа, какъ о сицилійскомъ. У Фукидида о пораженіи аонянъ на Нилѣ говорится сравнительно кратко во введеніи къ исторіи Пелопоннесской войны, но характерно его опредѣленіе египетскаго предпріятія, какъ «великаго похода (*μεγάλη στρατεία*) аонянъ и союзниковъ»³².

Ближайшій результатъ катастрофы состоялъ въ томъ, что Аонины лишились флота для охраны Эгейскаго моря; можно было опасаться вторженія побѣдоносной эскадры персидскаго царя въ самую середину аонской морской державы. Подъ впечатлѣніемъ этого страха аоняне перевели союзную кассу, помѣщавшуюся со времени образованія симмахіи на о. Делосѣ, при храмѣ Аполлона, въ Аонины. Можно было далѣе опасаться серьезныхъ потрясеній внутри самой державы и отпаденія союзниковъ, такъ какъ аонская эскадра служила постоянной угрозой быстрой экзекуціи, а теперь ея не было налицо. Аоняне очень хорошо взвѣсили этотъ моментъ и постарались облегчить финансовое бремя, лежавшее на союзникахъ: во многихъ городахъ союза форосъ, т. е. дань, была уменьшена на $\frac{1}{3}$ или на $\frac{1}{2}$.

Всего поразительнѣе то, что аоняне не приостановили военныхъ дѣйствій въ самой Греціи. Подъ начальствомъ Перикла, они повторили экспедицію Толмида въ Коринтскій заливъ. Еще разъ была сдѣлана попытка овладѣть Сикіономъ; затѣмъ аоняне потребовали, чтобы въ союзъ съ ними вошли города ахайскаго побережья; теперь имъ принадлежала большая часть гаваней Коринтскаго залива, и они безусловно господствовали надъ единственнымъ западнымъ выходомъ изъ европейской Греціи. Эти новыя пріобрѣтенія Аонинъ объясняются только крайней слабостью ихъ противниковъ, особенно Спарты, которая не проявляла никакой инициативы.

Экспедиція Перикла составляла, однако, послѣднее наступательное дѣйствіе аѳинянъ. Они были слишкомъ истощены войной на всѣхъ фронтахъ, чтобы продолжать дѣло съ прежней энергіей. Опять при посредствѣ Кимона было заключено пятилѣтнее перемиріе со Спартой; помирился со Спартой также Аргось (453 г.).

Сокращеніе радикальной программы. Конецъ 50-хъ годовъ представляетъ важный внутренній кризисъ въ Аѳинахъ. Радикальная партія, съ такой энергіей развернувшая свою программу, подъ впечатлѣніемъ неудачъ, должна была сдать цѣлый рядъ своихъ требованій. Въ особенности ярко это сокращеніе программы выразилось въ законѣ объ ограниченіи состава гражданства, который былъ принятъ, по предложенію Перикла, въ 451 или 450 году³³.

Въ свое времяThemistocles, основатель радикальной партіи, настаивалъ на широкомъ привлеченіи въ Аѳины иностранцевъ; одно время въ составъ гражданства легко допускали селившихся въ городѣ метойковъ. Съ другой стороны, однако, радикальная демократія своей политикой возвышала цѣну правъ гражданства. Въдѣ ея программа имѣла въ виду не одно отвлеченное равенство, не одну декларацію свободы, но также извѣстное социальное обезпеченіе массы, фактическое уравненіе гражданъ въ смыслѣ предоставленія всѣмъ и всякому возможности активно участвовать въ государственной жизни. Эта социальная сторона крайней демократіи выразилась въ самыхъ различныхъ мѣрахъ и средствахъ: въ системѣ вознагражденія за службу и занятіе должностей, въ раздачахъ, въ доставленіи казенной работы, въ устройствѣ гражданскихъ колоній (*κληρουχίαι*) и предоставленіи бѣднымъ земельныхъ участковъ. Такимъ образомъ, принадлежность къ гражданству стала огромной преміей именно благодаря господству радикальной партіи.

Чѣмъ болѣе развивалось значеніе Аѳинъ, какъ столицы державы и большого торговаго центра, тѣмъ больше былъ наплывъ въ городъ чужого элемента, тѣмъ многочисленнѣе становились прочно осѣдавшіе метойки, а также вольноотпущенные. Для государства въ смыслѣ несенія повинностей эти классы были очень важны, ихъ привлекали къ морской службѣ, а затѣмъ стали брать и въ сухопутное гоплитское ополченіе; съ нихъ собирали особую подать за право жительства и нѣкоторыя литургіи. Но для стараго гражданства возникла крайне невыгодная перспектива дѣлиться преимуществами и утрачивать то самое положеніе, которое достигнуто было цѣной такихъ жертвъ. Сама радикальная партія, если она хотѣла сохранить свое вліяніе, должна была провести ограниченіе состава гражданства въ интересахъ стараго ядра аѳинства.

Повидимому, раньше въ Аѳинахъ признавали законными браки съ чужестранками, а дѣти отъ такихъ браковъ хотя считались «неравнорожденными» (νόθοι), но все-таки допускались къ гражданскимъ правамъ. Въ средѣ аристократіи такіе браки были даже очень распространены; отъ полугражданскихъ браковъ произошли Клизеенъ, Фемистоклъ, Кимонъ. Теперь было рѣшено признавать аѳинскими гражданами только тѣхъ, кто имѣлъ родителями гражданъ съ отцовской и материнской стороны. Въ этомъ смыслѣ и былъ проведенъ Перикломъ законъ 450 года. Въ силу него дѣти гражданъ, происходившія отъ неравныхъ браковъ, сыновья матерей чужестранокъ, исключались отъ права гражданства, признавались незаконнорожденными. Эта мѣра значительно ограничила число конкурентовъ въ полученіи раздачи и потому пріобрѣла популярность среди стараго гражданства. Новый законъ замѣтно и даже рѣзко сказался въ жизни. Принятіе въ гражданство происходило по демамъ: по достиженіи 18 лѣтъ сынъ гражданина, вступая на военную службу, приписывался въ составъ гражданъ дема. При этомъ происходила провѣрка его правъ, и ему могли отказать въ принятіи. На отказъ дема можно было жаловаться въ судъ; если судъ рѣшалъ не въ пользу жалобщика, его могли продать въ рабство. Очень характерно обиліе такихъ процессовъ и осужденій лѣтъ шесть спустя послѣ закона 450 года, когда африканскій князь Псамметихъ прислалъ аѳинянамъ большой грузъ хлѣба, и когда его стали распределять между гражданами въ видѣ казенной выдачи.

Въ законѣ 450 года демократія достигаетъ извѣстнаго предѣла развитія, такъ же, какъ дальше не идетъ расширеніе виѣшняго могущества Аѳинъ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ законъ представляетъ и правственный кризисъ демократіи. Она стала сама исключительнымъ замкнутымъ кругомъ, подобно тѣмъ политическимъ и социальнымъ формамъ, противъ которыхъ она выступала во имя принципа свободы и равенства.

Конецъ національной войны. Во виѣшней политикѣ также необходимо было сократиться. Въ Аѳинахъ еще не перевелись сторонники войны съ персами, и у нихъ былъ признанный всегда счастливый вождь въ лицѣ Кимона, который къ тому же былъ готовъ на предпріятія общенациональныя, только бы не враждовать со Спартой. Перспективой добычи въ восточной войнѣ можно было увлечь также тѣ круги аѳинскаго гражданства, которые разорились отъ войны ближней, принесшей гибель торговли съ Пелопоннесомъ. Партіи персидской войны удалось добиться снаряженія большого флота въ 200 триеръ, аѳинскихъ и союзническихъ; во главѣ экспедиціи былъ поставленъ Кимонъ. Весною 449 года онъ отправился къ Кипру, навстрѣчу персидско-финикійскому флоту. Кимонъ заболѣлъ и умеръ въ самомъ началѣ похода при осадѣ

Китіона на Кипрѣ. Передъ смертью онъ еще успѣлъ дать приказъ къ отступленію, такъ какъ стало ясно, что положеніе аѳинянъ у Кипра крайне невыгодно. Уже на возвратѣ аѳинскій флотъ встрѣтился на высотѣ города Саламина, лежащаго на сѣверо-восточной сторонѣ острова, съ непріятельскимъ флотомъ. Произошло ожесточенное сраженіе; аѳиняне разбили финикійскую эскадру и преслѣдовали персовъ на сушѣ, куда они было спаслись съ кораблей. Несмотря на эту блестящую двойную побѣду, рѣшено было не возобновлять экспедиціи и предоставить Кипръ, гдѣ со времени первой войны 478 года утвердились, подъ покровительствомъ Аѳинъ, греческіе князья, собственной участи. Въ результатѣ персы и финикіяне жестоко и безпощадно истребили греческій элементъ на островѣ.

Въ Аѳинахъ явно исчезло настроеніе, благопріятное для національной войны. Теперь открыто выступили сторонники мирнаго соглашенія съ персами, тѣмъ болѣе, что противная сторона была также утомлена войной, и царь далъ малоазійскимъ сатрапамъ порученіе открыть мирные переговоры. Аѳины отправили въ Сузу посольство, съ Калліемъ во главѣ, и дали ему неограниченныя полномочія.

Не вполне ясно, каково было содержаніе такъ наз. Калліева мира 449 года. Представляется мало правдоподобнымъ, чтобы между великимъ царемъ и аѳинскимъ народомъ былъ заключенъ формальный договоръ; между прочимъ очень странно, что у Фукидида объ этомъ мирѣ вообще нѣтъ ни звука. Конечно, дѣло объясняется тѣмъ, что миръ 449 г. и связанный съ нимъ отказъ отъ великихъ національныхъ задачъ представлялъ страницу, совсѣмъ не почетную въ исторіи аѳинской политики. Однако какое-то соглашеніе произошло. Должно быть, оно не имѣло вида трактата, въ которомъ признавались точныя границы и опредѣленныя территоріальныя приобрѣтенія или уступки; вѣдь персидскій царь никогда не отказывался формально отъ городовъ западнаго края Малой Азіи. Вѣроятно, онъ ограничился обѣщаніемъ, что военные корабли не будутъ появляться на западъ отъ Фазелиса (въ Ликіи), т. е. въ водахъ Эгейскаго моря; въ свою очередь аѳиняне обѣщали не предпринимать вторженій въ области, принадлежащія царю. Къ такимъ взаимнымъ обязательствамъ сводилось соглашеніе, которое было, однако, очень важно для обѣихъ сторонъ и котораго держались въ теченіе болѣе 35 лѣтъ до крушенія аѳинской державы.

Аѳинскія военныя колоніи, какъ средства укрѣпленія державы. Примиреніе съ персами развязывало аѳинянамъ руки въ Греціи. Однако они были такъ истощены борьбой на нѣсколько фронтовъ, что уже не могли извлечь выгоды отъ высвобожденія массы своихъ силъ, занятыхъ на востокѣ. Напротивъ, ихъ позиціи въ Средней Греціи рушились одна за

другой, а въ то же время пошатнулось ихъ положеніе въ морской державѣ. Заключая миръ съ персами, Аѳины явно признавали этимъ свою слабость. Наглядно для всѣхъ, и особенно для союзниковъ, сказались послѣдствія мира въ томъ, что произошло сокращеніе территоріи союза: аѳиняне покинули Кипръ и не заявляли болѣе притязаній на далекіе берега Каріи и Ликии. Съ другой стороны, союзники, понесшіе столько тяжелыхъ жертвъ въ борьбѣ противъ національнаго врага, рассчитывали теперь, когда борьба окончилась, на прекращеніе или, по крайней мѣрѣ, на облегченіе своихъ повинностей. Такъ или иначе, среди союзниковъ начались волненія; весьма серьезно было возстаніе олигарховъ въ Милетѣ, которые пытались отдѣлиться отъ Аѳинъ. Аѳиняне своеобразно отвѣчали на движенія среди союзниковъ. Всюду они уменьшали податные взносы; въ 446 году они повторили мѣру, уже принятую ими разъ въ 450 году. Но въ то же время аѳиняне старались закрѣпить свое господство въ союзѣ устройствомъ въ разныхъ пунктахъ военныхъ колоній, или клерухій.

Образованіе военныхъ поселеній внѣ предѣловъ Аттики было давнишней мѣрой, которая примѣнялась еще до греко-персидскихъ войнъ: въ 506 году на ближней Эвбей были розданы клеры побѣдителямъ халкидскихъ рыцарей, при чемъ колонисты были, вѣроятно, изъ числа избыточныхъ членовъ крестьянскихъ семей, не находившихъ себѣ земли въ Атикѣ. Количество безземельныхъ и вообще разоренныхъ людей должно было чрезвычайно возрасти въ республикѣ вслѣдствіе тяжелыхъ войнъ, которыя съ небольшими перерывами тянулись отъ греко-персидскаго нашествія до замиренія съ пелопоннесцами въ 446 году. Радикальная партія, державшая власть въ своихъ рукахъ, не могла оставить безъ вниманія эти массы обѣднѣвшаго гражданства, такъ какъ онѣ составляли ея главную опору. Отсюда политика надѣленія неимущихъ участками земли. Съ задачей соціальной старались соединить политическую и военную. Клеры нарѣзывали часто изъ земли, отобранной у наказанныхъ союзниковъ; колонистовъ устраивали въ пунктахъ, важныхъ въ стратегическомъ отношеніи. Въ годы, слѣдующіе за заключеніемъ Калліева мира, были выведены слѣдующія колоніи: 1) на гелеспонтскомъ Херсонесѣ, гдѣ до греко-персидскихъ войнъ были владѣнія аѳинскихъ Филаидовъ; эти клерухіи служили къ охранѣ крайне важнаго для аѳинянъ пути въ Черное море; 2) на о. Лемносѣ и Имбросѣ, на полдорогѣ къ Гелеспонту; 3) близъ устья Стримона (колонія Бреа) для того, чтобы обезпечить постоянную связь съ богатой естественными продуктами еракійской территоріей; 4) на о. Наксосѣ и Эвбей (колонія Гистіэя, занимающая сѣверную оконечность большого острова), въ территоріяхъ, гдѣ были возстанія: аѳинскіе клерухи вознаграждались

на счетъ побѣжденныхъ мятежниковъ и служили здѣсь гарнизонами для поддержанія порядка.

Колонистовъ выводили въ опредѣленную мѣстность сразу цѣлымъ отрядомъ, и ихъ устройство имѣло видъ настоящей военной экспедиціи. Поэтому командованіе клерухами передавалось выдающимся стратегамъ: въ Херсонесъ ихъ выводилъ Перикль, на о. Эвбею и Наксосъ—Толмидъ.

Формы устройства и жизни клерухій составляютъ своеобразное право. Изъ земли, конфискованной или купленной у чужихъ (покупка у союзниковъ принимала видъ пониженія дани), выдѣлялась часть на долю боговъ, иногда часть государству, сдаваемая потомъ въ аренду. Остальное разбивалось на участки, которые выдавались по жребію гражданамъ, предварительно подавшимъ заявленія. Народъ учреждалъ особую комисію распредѣлителей земли (геономовъ). Община, повидимому, сохраняла за собою право собственности на участки, по крайней мѣрѣ, клерухи не могли ими свободно распоряжаться. Колонистъ большею частью обязанъ былъ жить на своемъ участкѣ и не имѣлъ права сдавать его въ аренду. На немъ лежала военная повинность, владѣніе должно было обезпечить его службу. Судя по доходу клеровъ на о. Лесбосѣ (выданныхъ послѣ подавленія возстанія 427 г.), равнявшемуся 200 драхмамъ, участокъ былъ достаточенъ для того, чтобы съ него кормился съ семьєю воинъ гоплитскаго вооруженія.

Клерухіи составляли настоящіе мѣры внутренняго завоеванія, которое позволяли себѣ аѣиняне въ предѣлахъ греческаго міра. Военныя колоніи, разумѣется, еще болѣе содѣйствовали превращенію союза въ державу, подвластную Аѣинамъ. Но стоитъ замѣтить, что это подчиненіе было далеко отъ формъ, примѣнявшихся самодержавными бюрократіями. Аѣинской демократіи и въ устройствѣ провинцій такъ же, какъ въ своихъ общинныхъ дѣлахъ, было свойственно обставлять учрежденія и права личныя судебными гарантіями. Одинъ случай устройства подвластной общины представляется особенно разительнымъ для юридической сдержки аѣинянъ, потому что дѣло идетъ о признаніи правъ за гражданствомъ возставшей и только что наказанной общины. Въ 446 году противъ Аѣинъ возстали халкидскіе рыцари на о. Эвбей (объ этомъ мятежѣ будетъ сказано немного ниже); вслѣдъ за изгнаніемъ олигарховъ и устройствемъ на ихъ землѣ аѣинскихъ колонистовъ еkklesia верховной общины ставитъ подчинившимся халкидянамъ условія и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечиваетъ имъ защиту ихъ правъ. Халкидское гражданство обязуется платить форось, который аѣиняне положить *по выслушаніи заявленій самихъ халкидянъ*; оно обязуется хранить вѣрность народу аѣинскому словомъ и дѣломъ, помогать ему противъ враговъ и вообще быть вѣрнымъ союзникомъ. Взамѣнъ аѣиняне обязуются оставить

въ дѣлности городъ Халкиду и не изгонять никого изъ гражданъ, въ чемъ приносятъ присягу отъ имени аѳинскаго народа совѣтъ и судьи. Ни одинъ халкидскій гражданинъ не можетъ быть арестованъ или наказанъ безъ суда, и только аѳинскій народъ въ дѣломъ составѣ можетъ постановлять подобныя приговоры, но не иначе какъ послѣ приглашенія къ разбирательству халкидской делегаціи ³⁴.

Конституція беотійскаго союза. Если аѳиняне смогли подавить оппозицію своей политикѣ на островахъ и въ колоніальныхъ городахъ Малой Азіи, то въ Средней Греціи они оказались безсильны. Политика ихъ въ Беотіи не была особенно счастливой и тактичной. Аѳинскіе организаторы, принадлежавшіе къ радикальной партіи, оттолкнули отъ себя многочисленный классъ беотійскихъ геоморовъ, хотя онъ стоялъ такъ близко къ большинству сельскаго населенія Аттики, и это потому, что въ самихъ Аѳинахъ слои, выдвинутые Клисѳеномъ, были оттѣснены городской демократіей. Въ партійной политикѣ Аѳинъ были къ тому же противорѣчія: аѳиняне поддерживали городской демосъ Беотіи, сравнительно слабый и немногочисленный, а въ то же время, ради содѣйствія сепаратизму, они давали ходъ мѣстнымъ аристократіямъ: оба покровительствуемые класса плохо ладили другъ съ другомъ, а къ тому же послѣдній былъ весьма сомнительнымъ союзникомъ Аѳинъ и въ рѣшительную минуту перекинулся на сторону оппозиціи.

Въ началѣ 40-хъ годовъ, когда аѳиняне были отвлечены своими восточными дѣлами, подготовилось возстаніе въ Беотіи и вмѣстѣ съ тѣмъ возникла новая беотійская федерація. Этотъ строй выступаетъ какъ-то внезапно въ готовомъ законченномъ видѣ; о его устроителяхъ мы не имѣемъ никакого понятія. Кажущаяся загадочность внезапной организаціи беотійскаго союза нѣсколько разсѣивается при внимательномъ анализѣ новаго устройства: оно напоминаетъ во многихъ чертахъ строй Клисѳена, тѣмъ болѣе, что главные участники федераціи, беотійскіе геоморы, аналогичны клисѳеновскимъ сельскимъ демотамъ. Хотя мы знакомимся съ федеральной конституціей Беотіи впервые изъ описанія историка IV вѣка, который рассказываетъ объ этомъ порядкѣ подъ 395 годомъ ³⁵, но нѣтъ сомнѣнія, что она возникла именно въ изображаемое нами время. Ее можно бы назвать конституціей 447 года, такъ какъ въ этотъ годъ она впервые выступаетъ, выдерживая блестящую пробу въ столкновеніи съ аѳинянами.

Согласно конституціи 447 г. Беотія (кромѣ Платей, оставшихся въ союзѣ съ Аѳинами) распадается на 11 *μέρη*, т.-е. округовъ, или волостныхъ единицъ, которыя распредѣлены между общинами пропорціонально ихъ размѣрамъ. Самая большая по территоріи и населенію община, Фивы, охватываетъ 4 округа, на слѣдующія по величинѣ,

Орхомень и Теспи, приходится по 2 округа, Танагра образует 1 округ; затѣмъ мелкія общины соединяются вмѣстѣ: одинъ округъ составляютъ Галиартъ, Левадія и Короней, и одинъ образуютъ Акрайфіонъ, Копы, Хероней. Каждый округъ ставитъ одного беотарха въ коллегію 11 высшихъ сановниковъ и 60 членовъ совѣта въ общій составъ 660 совѣтниковъ беотійскаго конгресса. Каждый округъ платитъ одинаковую долю взноса на военныя нужды союза и получаетъ одинаковую долю военной добычи. Наконецъ, каждый округъ ставитъ въ союзное ополченіе 1.000 гошпитовъ и 100 всадниковъ, такъ что въ цѣломъ получается 11.000 пѣхотинцевъ и 1.100 всадниковъ. Полноправными гражданами союза были, повидимому, признаны тѣ, кто могъ вооружиться на свой счетъ для союзнаго ополченія: историкъ IV вѣка называетъ ихъ «зажиточными» людьми; ихъ основную массу составили геоморы, средній классъ Беотіи, оставшейся страной еще вполне сельской. Во времена Клеомена такой строй могъ бы назваться демократіей; но теперь, когда въ Аѣнахъ политическія права получила вся масса народа, когда верховенство перешло къ низшимъ слоямъ (то, что потомъ называли *δημοκρατία ἰσχύτην*), беотійское ограниченное равноправіе казалось совѣтмъ не демократичнымъ порядкомъ, тѣмъ болѣе, что мелкій людъ въ городахъ былъ исключенъ отъ политическихъ правъ; у Фукидида для него имѣется любопытное названіе: *ὀλιγαρχία ἰσόνομος* ³⁶.

Беотія попрежнему медленно поспѣвала за развитіемъ передовыхъ общинъ Греціи; лишь теперь дошла она до строя, который въ Аѣнахъ установился за 60 лѣтъ до того. Но зато въ ея устройствѣ имѣются любопытныя особенности, которыя въ свою очередь оказали вліяніе на противниковъ демократіи въ Аѣнахъ. Отдѣльныя общины Беотіи сохранили автономію, но федеральная конституція предписала имъ держаться общихъ политическихъ началъ въ соотвѣтствіи съ союзнымъ строемъ. Въ этомъ смыслѣ всѣ общины должны были ввести у себя цenzъ; затѣмъ во всѣхъ общинахъ установилось строеніе властей, одинаковое съ союзнымъ: какъ большой конгрессъ былъ раздѣленъ на 4 совѣта (*τέσσαρες βουλαί*), такъ и высшій органъ каждой общины дѣлился на 4 очереди. Историкъ IV вѣка передаетъ, что предварительное обсужденіе дѣлъ происходило въ очередной части совѣта; затѣмъ высказанное ею мнѣніе переходило къ другимъ частямъ и получало окончательную силу лишь съ согласія всѣхъ.

Остается неяснымъ, въ какіе сроки и насколько часто собирался конгрессъ всей Беотіи. Но изъ послѣдней подробности можно заключить, что дѣлопроизводство какъ въ отдѣльныхъ общинахъ, такъ и въ конгрессѣ всей Беотіи было очень медлительно. Союзное устройство носило характеръ тяжеловѣсный и малоподвижный. Тѣмъ не менѣе

федеративная конституція 447 г., привлекая къ политической жизни широкіе классы населенія и главнымъ образомъ создавшая большое беотійское ополченіе, сразу выдвинула Беотию въ качествѣ вліятельной политической единицы въ Греціи. Съ возникновеніемъ объединенной Беотіи пришелъ конецъ давленію на страну Аѳинъ. Въ качествѣ строя, который соединялъ автономію съ принципомъ пропорціональности взносовъ, правъ и обязательствъ, беотійская конституція вызвала большое впечатлѣніе въ Греціи. По всей вѣроятности, враги демократіи охотно ссылались на нее въ видѣ нагляднаго укора централистическимъ пріемамъ аѳинской крайней демократіи. Во всякомъ случаѣ аѳинскіе реакціонеры усердно копировали ее въ 411 году, когда на короткій моментъ имъ удалось сорвать демократическій строй.

Кризисъ завоевательной политики Аѳинъ. Сигналомъ къ движенію противъ Аѳинъ въ европейской Греціи послужили событія, связанные съ судьбой Дельфъ. Спартанцы явились на призывъ жреческой общины, когда Дельфы захватили фокидяне: они освободили Дельфы и дали священному городу автономію, получивъ въ награду промантію, т. е. право преимущественнаго опроса оракула. Вслѣдъ за уходомъ спартанцевъ на помощь фокидянамъ пришли аѳиняне подъ начальствомъ Перикла и, согласно ранѣе заключенному между ними договору, возвратили Дельфы Фокидѣ; они также выговорили себѣ промантію и даже велѣли выгравировать надпись объ этомъ, рядомъ со спартанской, на большой статуѣ священнаго волка въ Дельфахъ.

Эта «священная война», въ которой аѳиняне не рѣшились прямо сразиться со Спартой, еще разъ обнаружила ихъ слабость. Тотчасъ же началось возстаніе въ Беотіи. Противъ мятежниковъ, занявшихъ сѣверную часть страны, выступилъ съ недостаточными силами Толмидъ; при Коронѣ аѳиняне были разбиты, погибъ самъ Толмидъ и нѣсколько аѳинянъ старинныхъ семей, между ними Клейній, отецъ Алкивіада. Неудачи слѣдовали теперь быстро одна за другой. Аѳинамъ пришлось выпустить Беотию изъ своихъ рукъ, предоставить ей городамъ автономію, отдать обратно заложниковъ; съ утратой пути черезъ Беотию они покинули также Фокиду и Локриду. Но въ тотъ же моментъ вспыхнуло возстаніе въ Эвбеѣ, гдѣ поднялись владѣльцы, раздраженные недавней военной колонизаціей аѳинянъ, наконецъ, отложила Мегара. Повидимому, всѣ эти движенія въ областяхъ, окружавшихъ Аттику, были результатомъ совмѣстнаго соглашенія олигарховъ, а нити ихъ союза сходились въ Спартѣ.

Аѳины вынуждены были раздѣлить силы: часть ополченія двинулась къ Мегарѣ, другая, подъ начальствомъ Перикла, переправилась на Эвбею. Въ это время пелопоннесская армія подъ начальствомъ несовер-

шеннолѣтняго царя Плейстоанакта и его руководителя Клеандрида прошла Истмъ, отрѣзала аѳинянь, запертыхъ у Коринесскаго залива, и вступила въ Аттику, жестоко опустошая все на своемъ пути. Перикль спѣшно вернулся изъ Эвбеи, но не рѣшился дать пелопоннесцамъ сраженіе. Однако и спартацы не продолжали своего наступленія: по причинамъ непонятнымъ они вернулись домой; въ Спартѣ вождей предпріятія обвинили въ подкупѣ, и оба они бѣжали подь страхомъ смертной казни.

Аѳиняне успѣшили начать переговоры со Спартой, которые привели къ такъ наз. Тридцатилѣтнему миру (446/5 г.). Всѣ свои вновь пріобрѣтенныя владѣнія на пелопоннеской территоріи, Ахайю и Трѣзень, а также Мегару, они должны были отдать, и сохранили за собою только Эгину и Навпактъ. Въ остальномъ стороны признали наличныя владѣнія и обязались каждая не принимать въ свой союзъ тѣхъ, кто принадлежитъ къ чуждому союзу, а также не оказывать содѣйствія мятежникамъ въ области чуждаго вліянія. Въ договорѣ аѳинская морская держава поставлена была наравнѣ съ пелопоннескимъ союзомъ; двѣ крупнѣйшія общины Греціи размежевались въ сферахъ своего господства въ качествѣ равноправныхъ силъ. На случай какихъ-либо недоразумѣній договорились не прибѣгать къ оружію въ теченіе тридцатилѣтняго срока, а передавать споръ на рѣшеніе безпристрастнаго суда³⁷. Спарта вполнѣ удовлетворилась устраненіемъ аѳинянь изъ Пелопоннеса и въ особенности съ Истма; поэтому она готова была предоставить Эвбею собственной участи, хотя въ свое время эвбейскіе рыцари искали спартанской помощи и примкнули къ общему союзу олигархій. Въ свою очередь аѳиняне могли, не нарушая постановленій только что заключеннаго мира, безпрепятственно возстановить въ Эвбей свой прежній авторитетъ, такъ какъ островъ входилъ въ признанную сферу ихъ владычества. Снова на Эвбею переправился Перикль, покорилъ бунтовавшія общины и посадилъ въ крупнѣйшемъ городѣ острова, Халкидѣ, аѳинскихъ колонистовъ.

Тридцатилѣтній миръ знаменуетъ собою начало паденія аѳинской державы. Аѳины болѣе не могли вернуть себѣ того могущества, которымъ они обладали въ началѣ 50-хъ годовъ. Это было не только пораженіе собственно аѳинской республики, но также большого союза демократій, сложившагося въ 60-хъ годахъ и принужденнаго калитулировать передъ таковымъ же союзомъ олигархій. Въ борьбѣ олигархій обнаружили больше взаимной солидарности, чѣмъ демократіи, которыя въ сущности имѣли значительный численный перевѣсъ людей. Въ свою очередь большее согласіе олигархій объясняется тѣмъ, что ихъ глава и центръ, Спарта, менѣе затрогивала автономію отдѣльныхъ общинъ.

Напротивъ, интересы мелкихъ демократій и ихъ вождя, великой демократіи афинской, расходились очень замѣтно, такъ какъ у Афинъ слишкомъ сильно былъ выраженъ мотивъ централизма, подчиненія себѣ союзниковъ въ торговомъ и часто финансовомъ отношеніи. Мегара должна была очень скоро замѣтить всѣ преимущества своего положенія въ пелопоннесскомъ союзѣ сравнительно съ зависимостью отъ Афинъ. Ничѣмъ не сумѣли афиняне привлечь на свою сторону широкіе слои Беотіи, а также общины Ахайи. Во внѣшней политикѣ афинская демократія не обнаружила широкаго либерализма; сама по себѣ одно изъ самыхъ совершенныхъ созданій политическаго гения грековъ, она не служила притягательнымъ центромъ для другихъ демократій.

Соціальная и финансовая политика Перикла. Вмѣстѣ съ крушеніемъ великой объединительной программы 60-хъ годовъ потерпѣла уронъ и радикально-демократическая партія. Выдвинутые ею стратеги, Хармантидъ, Миронидъ, Толмидъ, погибли въ войнахъ; еще раньше ушли изъ жизни ея выдающіеся организаторы, Эфіальтъ и Дамонъ; изъ поколѣнія, выступившаго въ 60-хъ годахъ, остался только Периклъ, и, кажется, у него болѣе не имѣлось способныхъ и энергичныхъ товарищей. Въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, Периклъ долженъ былъ приспособиться, пойти на уступки и сокращеніе крупныхъ замысловъ партіи, къ которой онъ принадлежалъ. Въ то же время Периклъ становится все болѣе направителемъ какъ внѣшней, такъ и внутренней политики. Онъ выступилъ опредѣленно инициаторомъ закона 450 г.; почти несомнѣнна его первенствующая роль въ заключеніи мира съ персами. И, наконецъ, въ событіяхъ 446 г., при столкновеніи со Спартой и устроеніи Тридцатилѣтняго мира, Периклъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ: не даромъ впоследствии сложилась легенда, что онъ именно подкупилъ спартанскихъ вождей, а когда пришлось давать отчетъ народу, скрылъ назначеніе суммы, выплаченной спартанцамъ, и сказалъ таинственно: «это была необходимая выдача»³⁸.

Периклу выпала очень трудная задача: примирить демось, ставшій необыкновенно воинственнымъ, съ новымъ положеніемъ, а въ то же время напитать и занять разоренные войной классы общества. Въ афинской практикѣ имѣлся цѣлый рядъ средствъ для устроенія немущихъ гражданъ. Обѣднѣвшіе геоморы охотно шли въ военныя колоніи и тѣснились къ организаціи, выдававшей заморскіе клеры, которые открывали каждому возможность возстановить себѣ хорошій хозяйскій дворъ. Для массы вѣтовъ, преимущественно уходившихъ во флотъ, заработкомъ являлось участіе въ учебной эскадрѣ, которую ежегодно отправляли въ морское плаваніе на сторожевую службу. Множество бѣдныхъ находили себѣ пропитаніе въ качествѣ геліастовъ, присяжныхъ судей, и

для этой цѣли составъ судебныхъ комиссій увеличивали до 500, 600 и даже 1000 человекъ. Всѣ эти формы раздачъ, наградъ и жалованья, учрежденныхъ со времени реформы 462 года, примѣнялись теперь, послѣ мира 446 года, особенно усиленно.

Но ихъ было недостаточно, и социальный вопросъ вставалъ въ Аѣнахъ въ весьма острой формѣ. Периклу удалось отчасти утолить его, во всякомъ случаѣ, отвлечь скопленіе грозныхъ общественныхъ настроеній организаціей обширныхъ публичныхъ работъ въ Аѣнахъ. Политическій вождь искусно воспользовался характернымъ національнымъ свойствомъ аѣинскаго демоса, именно, его горячимъ, самоотверженнымъ и щедрымъ благочестіемъ, которое уживалось въ этомъ удивительномъ народцѣ съ жадностью къ добычѣ, съ расчетливой и сухой требовательностью къ союзникамъ, вообще съ рационалистической и хозяйственной складкой ихъ ума. Аѣиняне любили богато обставлять свои праздники и не жалѣли подарковъ для боговъ; особенно щедры и внимательны были они къ богинѣ-покровительницѣ города, къ Дѣвѣ Аѣинѣ. Послѣ своего возвращенія въ городъ въ 479 году они рѣшили, безъ колебанія, выстроить богинѣ Аѣинѣ новый большой храмъ на акрополѣ взамѣнъ сожженного Ксерксомъ. Въ первые же годы существованія союза они стали откладывать большія доли добычи, получаемой отъ войны, на построеніе великаго храма; но лишь въ 447 году удалось приступить къ исполненію грандіознаго плана и заложить зданіе Парѣнона, внутри котораго должна была помѣститься колоссальная статуя богини-Дѣвы, приготовленная изъ золота и слоновой кости. Одновременно предполагалось обстроить старинный аѣинскій замокъ другими святилищами и соорудить къ нему блестящій входъ (Пропилеи) для дефилированія праздничныхъ процессій. Периклу принадлежитъ инициатива въ объединеніи всѣхъ этихъ предпріятій, горячо занимавшихъ аѣинскій народъ; онъ сумѣлъ также поставить дѣло благочестиваго украшенія Аѣинъ въ рамки какого-то національнаго общегреческаго интереса; а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ открылъ широкій заработокъ массѣ незанятыхъ людей въ Аѣнахъ.

Введеніемъ къ большой организаціи работъ послужила попытка Перикла созвать въ Аѣнахъ національный конгрессъ грековъ. По его предложенію, аѣиняне отправили во всѣ греческія общины, европейскія и азіатскія, большія и малыя, приглашеніе прислать делегатовъ въ Аѣины на общегреческій съѣздъ (*σὺλλογος*) для совѣщанія по такой программѣ: возстановленіе сожженныхъ и разрушенныхъ персами святиль и храмовъ; организація жертвоприношеній и благодарность богамъ за побѣду надъ національнымъ врагомъ; общее замиреніе греческаго моря и истребленіе общими силами морского пиратства.³⁹

Предложенный афинянами национальный конгрессъ не удался. Спарта постаралась отклонить большую часть греческихъ общинъ отъ посылки делегатовъ. Очень хорошо была понята цѣль Афинъ обновить для себя общегреческій авторитетъ, войти въ сношенія со всѣми частями греческаго міра. Въ отказѣ ясно обнаружались недовѣріе и вражда къ Афинамъ, вызванныя завоевательной и колонизаторскою политикою послѣдняго времени. Но извѣстнаго результата Перикль все-таки добился. Если греки не пожелали общими силами строить національныя святыни, то великую задачу берутъ на себя афиняне, которые украсятъ свой городъ, имѣющій за себя болѣе всего заслугъ въ освобожденіи Эллады. Получился великолѣпный мотивъ для возвеличенія самаго центра морской державы. У Фукидида Перикль выражаетъ эту цѣль въ такихъ словахъ: (мы хотѣли), чтобы нашъ городъ сдѣлался культурной столицей Греціи (*τῆς Ἑλλάδος κείδευσιν*)⁴⁰. Возможно, что это—подлинныя слова Перикла, сказанныя въ одномъ изъ его торжественныхъ выступленій передъ народомъ.

Правдоподобно, что изъ Перикловой же рѣчи взято слѣдующее разсужденіе, приведенное Плутархомъ: «Разъ городъ достаточно снабженъ всѣмъ, что нужно для военной обороны, слѣдуетъ направить богатства на такія цѣли, исполненіе которыхъ принесетъ государству вѣчную славу, а въ данную минуту доставитъ гражданамъ прямую выгоду, т.-е. на сооруженія, требующія участія всѣхъ видовъ искусствъ и техники; такъ какъ при этомъ будутъ привлечены всѣ мастерства и заняты всѣ рабочія руки, то въ сущности все гражданство будетъ наниято на службу, и весь городъ будетъ изукрашенъ и получить пропитаніе». Далѣе Плутархъ даетъ картину широкой и многосторонней дѣятельности въ связи съ большими сооружеиіями въ Афинахъ. «Массы неорганизованныхъ ремесленниковъ (*ἀσύτακτος καὶ βάνυσος ὄχλος*) получили работу; плотники, каменщики, скульпторы, литейщики, маляры, ювелиры, мастера въ слоновой кости, живописцы, граверы, вышиватели тканей, затѣмъ поставщики и перевозчики строительнаго и художественнаго матеріала, т.-е. на морѣ купцы, корабельщики, лоцманы и матросы, на сушѣ—экипажные фабриканты, содержатели лошадей, извозчики, производители веревокъ, полотна и кожи для упаковки, дорожные мастера, горнорабочіе. Каждое изъ этихъ ремеслъ и занятій въ свою очередь, подобно военному штабу, командующему войскомъ, распорядилось массою поденщиковъ, носильщиковъ и чернорабочихъ, превращенной въ стройно дѣйствующіе органы большихъ коллективныхъ тѣлъ. Такимъ образомъ люди всякаго возраста и званія принимали участіе въ трудѣ и заработкѣ»⁴¹.

Расходы на приобрѣтеніе матеріала, его перевозъ и вознагражденіе

рабочихъ были очень велики. Въ Аѣинахъ ходило словечко *Θουκιδίδα*, сына *Μελεσία* ⁴², противника *Περικλοῦ*, что главный управитель народа аѣинскаго ставить образа боговъ и храмы цѣною въ тысячи талантовъ. Говорить нечего, что на этотъ чрезвычайный бюджетъ совершенно не хватало обычныхъ доходовъ города, которые составлялись изъ таможенныхъ и портовыхъ сборовъ, аренды казенныхъ угодій, сбора съ продажи рабовъ и т. п. Правда, у богини была своя особая казна, которая составила изъ военной добычи, изъ подарковъ отъ гражданства и, наконецъ, изъ особыхъ отчисленій (*ἀπαρχαί*) въ размѣрѣ 60-ой части ежегодной суммы взносовъ союзныхъ городовъ. Но и этихъ средствъ было далеко не достаточно для оплаты «украшенія» города и его святиль. *Περικλῆς* предложилъ поэтому воспользоваться большой кассой, въ которую поступали союзническіе взносы. Хотя уже давно аѣиняне распоряжались самовластно такъ наз. союзнической казною и даже символически закрѣпили свой финансовый авторитетъ перенесеніемъ ея въ Аѣины въ 454 г., но все-таки предложеніе *Περικλά* было новизной. До тѣхъ поръ оставалась, по крайней мѣрѣ, видимость, что союзническія деньги тратятся на нужды всей державы, на ея защиту или расширеніе. Теперь совершенно открыто предлагалось перевести эти суммы на фортификацію главнаго города и на эстетическія его притязанія, т.-е. вещи, не имѣвшія никакой связи съ интересами союзниковъ. Иначе говоря, въ Аѣинахъ установили сліяніе общинной и имперской казны; онѣ были объединены на почвѣ бюджета расходовъ, управляемаго односторонними рѣшеніями аѣинскаго народа. Такимъ образомъ финансовая политика *Περικλά* была вмѣстѣ съ тѣмъ и окончательнымъ поработеніемъ союзниковъ интересамъ аѣинскаго гражданства.

Консервативная оппозиція и ея крушеніе. Новые принципы отношенія къ союзникамъ и финансовое управленіе *Περικλά* давали много основаній для критики. Этимъ слабымъ мѣстомъ въ политикѣ господствующей партіи воспользовалась оппозиція, которая сложилась въ видѣ опасной силы ко времени заключенія Тридцатилѣтняго мира. Само выступленіе оппозиціи консерваторовъ и реакціонеровъ составляетъ результатъ и продолженіе большихъ неудачъ радикальной партіи. Недовольныхъ было много и раньше—мы видѣли возможность соглашенія аѣинскихъ олигарховъ со Спартой въ 457 г.—но до наступленія крупныхъ внѣшнихъ неудачъ оппозиція не рѣшалась заявлять себя открыто въ публичныхъ дебатахъ. Теперь она чувствовала себя силой и выдвинула такіе вопросы, о которыхъ раньше не смѣли громко говорить въ Аѣинахъ.

Во главѣ оппозиціи становится даровитый *Θουκιδίδης*, сынъ *Με-*

лесія. Въ противоположность своему предшественнику и родственнику Кимону, онъ не былъ военнымъ дѣятелемъ, но зато оказался мастеромъ организовать партію, превосходнымъ ораторомъ и серьезнымъ соперникомъ Перикла въ эkkлeсiи. Стараясь сплотить разсѣянные элементы оппозиціи, Фукидидъ вернулся къ старинной формѣ гетерій, которая въ Греціи всюду начинаетъ служить реакціи высшихъ классовъ противъ демократіи. Гетеріи консерваторовъ усвоили себѣ религіозную таинственность и благодаря этому обратились въ замкнутые кружки скрытыхъ противниковъ существующаго строя, въ союзы заговорщиковъ. Возстановленіе гетерій было очень важно для консерваторовъ, потому что въ Аѣнахъ послѣ клицееновской реформы общественные слои, недовольные демократіей, чувствовали себя затерянными и раздробленными среди представительства демовъ въ совѣтъ, а также въ массѣ народнаго собранія. У вождя аѣинской оппозиціи было много сторонниковъ въ городахъ большой симмахіи, и онъ пользовался во многихъ союзныхъ общинахъ вліяніемъ. Онъ искусно внесъ въ свою программу мотивы недовольства союзниковъ и защиту ихъ интересовъ. Онъ говорилъ, что аѣиняне совершаютъ грубый актъ произвола надъ единоплеменниками, употребляя на удовлетвореніе своихъ интересовъ излишки денегъ, которыя платятся для цѣлей общей защиты. Городъ пріобрѣтаетъ дурную репутацію; на глазахъ всей Греціи растрачиваются союзныя деньги въ то время, какъ Аѣины, въ родѣ тщеславной кокетки, обвѣшивающей себя золотомъ и драгоценными камнями, украшаются милліонными статуями и храмами ⁴³.

Вѣроятно, защита интересовъ союзниковъ была только наиболѣе эффектнымъ пунктомъ обвиненій, исходившихъ отъ оппозиціи; сама организація гетерій заставляетъ предполагать еще рядъ другихъ партійныхъ разногласій по внутреннимъ вопросамъ. Вѣроятно, сплоченные Фукидидомъ кружки «порядочныхъ людей» (*καλοὶ καγαθοὶ*) возражали противъ системы раздачи, противъ содержанія бѣдныхъ гражданъ на счетъ казны и требовали возвращенія къ безвозмездной службѣ, т. е. фактически отнятія у низшихъ классовъ политическихъ правъ. По крайней мѣрѣ, вполнѣдствіи у олигарховъ, преемниковъ партіи Фукидидова, этотъ пунктъ стоялъ на первомъ мѣстѣ. Можно думать, что къ группѣ Фукидидова тянули обширные сельскіе элементы Аттики, которые были также недовольны новымъ курсомъ политики, тѣмъ болѣе, что, съ наступленіемъ мирнаго времени, они не имѣли болѣе участія въ большихъ раздачахъ изъ общественной казны. Безъ ихъ поддержки гетеріи не рѣшились бы на открытую борьбу съ радикалами и Перикломъ.

Послѣ 445 года отношенія партій обострились все болѣе: «скрытая

полость въ желѣзѣ обратилась въ глубокую трещину»⁴⁴. Перикль и его сторонники приложили все усилія, чтобы избавиться отъ опасной организованной оппозиціи. Они предложили народу выходъ, примененный въ послѣдній разъ въ 462 году въ спорѣ между Кимонемъ и Эфиальтомъ: сдѣлать выборъ между двумя вождями и удалить одного изъ нихъ остракизмомъ, чтобы дать полный просторъ политикѣ другого. На рѣшающее собраніе (въ 443 или 442 году), въ которомъ должны были голосовать не менѣе 6000 гражданъ, обѣ партіи постарались привести какъ можно больше сторонниковъ. Это было состязаніе сельской и городской Атики. Послѣдняя перетянула числомъ голосовъ, и Фукидидъ пошелъ въ изгнаніе. Послѣ этого его политическая карьера уже не возобновлялась больше.

¹ Источники эпохи такъ наз. Пятидесятилѣтія (480—430 гг.) собраны у С. F. Hill Sources for greek history between the persian and peloponnesian war, Oxford 1897. ² Стихотворную надпись на чашѣ передаетъ историкъ Нимфій изъ Гераклеи fr. 15 у Müller Fragm. hist. graec. III. ³ Эук. I, 96. ⁴ Cavaignac Etudes sur l'histoire financière d'Athènes au V siècle 1908. ⁵ Эук. вышепр. мѣсто. ⁶ Эук. I, 93. ⁷ Діодор. XI, 43. ⁸ Аристот. Политика V, 3, 1304a (см. переводъ проф. С. А. Жебелева Спб. 1911, стр. 218). ⁹ Арист. Афин. пол. 27. ¹⁰ Ст. 272—302. ¹¹ Эук. I, 132. ¹² Тамъ же 138. ¹³ CIA (Corp. inscr. attic.) I, 9 = Dittenberger Sylloge 2. ¹⁴ Pindari carmina ed. Bergk fr. 76. ¹⁵ Ст. 607—8 и 942. ¹⁶ Пинд. f. 169. ¹⁷ Такое сужденіе объ Эфиальтѣ сохранилъ Аристотель въ Афин. пол. 25. ¹⁸ Эук. II, 65. ¹⁹ Плут. Перикл. 4; Арист. Афин. пол. 27. ²⁰ Плут. Пер. 9. ²¹ Свѣдѣніе объ участіи Фемистокла въ низверженіи Ареопага передаетъ Арист. въ Афин. пол. 25; этотъ странный анахронизмъ показываетъ, какъ слаба вообще работа Аристотеля въ качествѣ историческаго изслѣдованія. ²² Арист. Афин. пол. 29. ²³ Тамъ же 23. ²⁴ О графѣ лараномонѣ, какъ главной опорѣ демократической конституціи, говоритъ Эук. VIII, 67. Учрежденіе описано у Демосоена въ рѣчи противъ Тимократа §§ 17—18. Впервые указалъ на связь установленія графе съ реформой 462 г. G. Grote History of Greece (1845—49) V, ch. XLVI, гдѣ вообще дана блестящая характеристика демократической конституціи. ²⁵ Арист. Афин. пол. 26. ²⁶ Текстъ и комментарий Псевдоксенофонтовой политіи въ изд. E. Kalinka, Leipzig, 1913. ²⁷ Гер. III, 80; эти слова вложены по капризу автора въ уста перса, одного изъ семи вельможъ, свергнувшихъ Лжемердиса, при обсужденіи въ ихъ собраніи вопроса о наилучшей формѣ правленія. ²⁸ Эук. II, 57. ²⁹ Плут. Кимон. 9. ³⁰ Эук. I, 107. ³¹ С. Лурье Беотійскій союзъ. Спб. 1914. Къ сожалѣнію, авторъ этой интересной работы распредѣлялъ матеріалъ не по эпохамъ развитія Беотіи, а по судьбамъ учреждений, въ слѣдствіе чего проходить въ каждой почти главѣ сызнова исторію Беотіи. ³² Эук. I, 110. ³³ Арист. Афин. пол. 26. ³⁴ Надпись въ CIA IV, 27a = Dittenberger 10. ³⁵ Конституцію беотійскаго союза мы знаемъ изъ отрывка греческой исторіи на такъ наз. Оксиринхскомъ папирусѣ. Большинство ученыхъ считаютъ авторомъ этого сочиненія историка второй половины IV вѣка, Теопомпа. Текстъ отрывка и изслѣдованіе о немъ Ed. Meyer Theopomp's Hellenica. Halle, 1909. ³⁶ Эук. III, 62. ³⁷ Эук. I, 145. ³⁸ Плут. Пер. 23. ³⁹ Тамъ же 17. ⁴⁰ Эук. II, 41. ⁴¹ Плут. Пер. 12. ⁴² Отчество прибавляется, чтобы отличить его отъ историка Фукидида, сына Олора. ⁴³ Плут. Пер. 12. ⁴⁴ Тамъ же 11.